

БОЛЕЕ 6 000 000 ПРОСМОТРОВ В ТИКТОК

МИКАЛЕЯ
СМЕЛТЦЕР

Осколки
ПОЛЕВЫХ
ЦВЕТОВ

18+

Микалея Смелтцер
Осколки полевых цветов
Серия «Мед и соль»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69962128

*Осколки полевых цветов: [роман] / Микалея Смелтцер; – [перевод с
английского Юлии Капустюк]: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-152223-0*

Аннотация

Привет! Я Салем, и в моей жизни все идет своим чередом. Работа, отношения, друзья, и так по кругу. Спросите, что может пойти не так? Переезд Тайлера Холмса в соседний дом перевернул все с ног на голову! Этот вечно угрюмый, сварливый и неприступный дизайнер – моя полная противоположность.

Когда он просит меня посидеть с его ребенком, я воспринимаю это как отличный способ подзаработать. Однако по какой-то неведомой причине каждая наша встреча заставляет мое сердце биться сильнее.

Ах да, забыла упомянуть: ему – тридцать один, а мне – восемнадцать. Теперь у меня в голове лишь один вопрос: что будет, если я рискну и поддамся своим чувствам?

Если бы я тогда знала, что уготовила нам судьба...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвертая	34
Глава пятая	43
Глава шестая	53
Глава седьмая	60
Глава восьмая	64
Глава девятая	72
Глава десятая	77
Глава одиннадцатая	87
Глава двенадцатая	97
Глава тринадцатая	103
Глава четырнадцатая	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Микалея Смелтцер

Осколки полевых цветов

*Посвящается всем тем, кому приходилось
бороться за то, что они любят.*

Что бы это ни было.

*«Любовь – как полевые цветы; ее часто
находишь в самых неожиданных местах».*

Ральф Уолдо Эмерсон

Micalca Smeltzer

The Confidence of Wildflowers

Серия «Мед и соль»

The moral rights of the author have been asserted.

Перевод с английского *Юлии Капустюк*

Оформление обложки *Александра Воробьева*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

© 2022 by Micalca Smeltzer

© Капустюк Ю., перевод, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Перед вами художественное произведение. Все упомянутые в романе имена, персонажи, организации, места и события являются либо плодом воображения автора, либо используются условно. Любое сходство с реальными событиями, местами или людьми, живыми или мертвыми, является случайным.

Пролог

Пять лет назад

Я не плакала, когда умер мой отец.

Когда рак сжирал его, разъедал его мышцы, ткани, каждую клетку его тела – я не плакала. Когда его тело выносили из дома на носилках в черном мешке, я не плакала.

Я не плакала, когда смотрела на его тело в гробу, некогда изможденное, а теперь напичканное всякими филлерами и другими волшебными средствами из арсенала гробовщика.

По дороге на кладбище я не плакала.

Я не плакала, когда проповедник говорил о жизни и смерти, о неизбежности конца, какую бы хорошую жизнь человек ни прожил.

Я не плакала.

Моя сестра тоже не плакала.

Как и моя мама.

Обидчики не заслуживают слез.

Когда на гроб положили последний цветок и все было кончено, я не плакала.

Я улыбалась.

Глава первая

Считается, что к восемнадцати годам ты уже определился со своей жизнью.

Никто не говорит об этом прямо, но это подразумевается; от тебя ожидают, что ты выберешь колледж, уже предвидя весь свой карьерный путь. Уже четко спланировав, кем хочешь быть и где желаешь оказаться.

Моя старшая сестра знала, что поступит в колледж и выучится на медсестру. Потом она собиралась переехать в большой город, вершить великие дела и стать той самой важной персоной.

Теперь она вернулась домой, в наш маленький городок Хоторн-Миллс, штат Массачусетс.

Планы осуществляются не всегда, но люди продолжают навязывать их другим, как будто если ты пойдешь по назначенному пути, все будет хорошо.

Гребаная ложь.

У меня нет плана, и я не хочу, чтобы он у меня был.

Две недели назад я переступила порог школы и стала выпускницей, которая не будет поступать в колледж. Мой папень будет, и он не понимает, почему я не хочу учиться вместе с ним. Но я ведь не собака на поводке.

Для меня следовать чужим желаниям – значит купить билет в один конец в мою версию ада; я там уже была и не со-

бираюсь туда возвращаться.

Легкий ветер развеивает мои волосы, и я откидываю их назад и закрепляю резинкой. Подтягиваю колени к груди и обхватываю руками ноги. На коленке синяк; понятия не имею, откуда он взялся.

На улицу сворачивает мамина машина, и я быстро ныряю обратно в окно, пока она не заметила меня на крыше рядом с моей спальней. Она ненавидит, когда я там сижу, и уверена, что рано или поздно и оттуда свалюсь, хотя до сих пор я даже ни разу не поскользнулась. Я многократно ей объясняла, что черепица на крыше текстурированная, но она меня не слушает. Скорее всего, она считает, что, присматривая за мной, исполняет свой материнский долг.

Я закрываю окно, вздыхаю и улыбаюсь черному коту с горящими зелеными глазами, свернувшемуся калачиком на моей кровати. Он смотрит на меня, и его взгляд словно говорит: *если она тебя застукает, тебе влетит.*

Я киваю в ответ. *Я знаю.*

Бинкса, которого я назвала в честь кота из моего любимого фильма, я нашла котенком в переулке за маминым антикварным магазинчиком. Я не смогла его там оставить. В то время у меня были только ученические водительские права, и я передвигалась на велосипеде. Я завернула его в куртку, отвезла домой и умоляла маму разрешить мне его взять. Я не надеялась, что она согласится, но – о, чудо! – она это сделала. Должно быть, он овладел и ее сердцем.

Входная дверь открывается, и мама кричит:

– Салем?

Да, меня тоже назвали в честь вымышленного кота.

Вообще-то, меня назвали в честь города, в котором я была зачата – по крайней мере, так мне сказали. Но довольно грубом.

– Да? – Я выхожу из своей комнаты и останавливаюсь на верхней ступеньке.

Викторианский дом, который постепенно перестраивала моя мама, может похвастать величественной широкой лестницей. Такую можно увидеть в старых фильмах, где героиня легко спархивает вниз, держась ручкой за перила.

К сожалению, я не героиня и во мне нет ничего элегантно-го. Надеюсь, мои рваные джинсовые шорты, грязные кроссовки и майка на меня не в обиде.

– У тебя есть планы на вечер? – Мама сдувает с глаз челку, ее руки заняты бумажными пакетами с продуктами. Я спускаюсь по лестнице и забираю у нее несколько пакетов.

– Пока нет.

– Я подумала, что, может, после того, как я разберу сумки, – она направляется на кухню, я – за ней, – ты испечешь со мной пару кексов. Тельма устраивает продажу домашней выпечки, и я хочу испробовать несколько разных рецептов.

Тельма Паркингтон также известна как городская сплетница-затейница. Ей далеко за семьдесят, на ней вечно огромные очки и яркие платья со странным принтом. Она любит

посплетничать и в этом крошечном городке знает всё обо всех.

Я пожимаю плечами, вытаскиваю из пакета коробку хлопьев и ставлю ее на столешницу.

– Думаю, будет весело.

– Отлично. – Она улыбается, сжимая в руках упаковку с крекерами. – Я люблю, когда ты помогаешь мне на кухне.

Я улыбаюсь в ответ. Не всегда все было так просто и легко, по крайней мере, пока был жив мой отец. Дома он вел себя жестоко и властно, а на людях – совершенно иначе. Жизнь была адом. Мама, сестра и я жили, затаив дыхание, в ожидании следующей мелочи, которая его разозлит. Он мог вспылить из-за чего угодно: например, если мы забыли выключить свет или не так быстро убрали кухню, как ему бы хотелось.

Теперь мы можем вместе печь кексы и не убираться на кухне по несколько дней, если захотим.

Мы так делать не будем, но мы это *можем*. Это факт.

Мы убираем все продукты, и мама достает один из своих многочисленных фартуков, на этот раз яркий, с кусочками пирога, и передает мне другой, в цветочек.

– Какие вкусы ты хочешь попробовать? – Я крепко завязываю фартук на талии, чтобы не перепачкать одежду. Но я слишком хорошо себя знаю, чтобы понимать: никакой фартук меня не спасет, и мука или глазурь все равно оставят след на отдельных частях моего тела. – Я подумала о моем

рецепте с медом и лавандой, с шоколадом, поскольку он уже проверен, и, может быть, с лимоном и мятой. – Она задумывается. – В прошлый раз тесто получилось слишком мягким, так что придется изменить рецепт.

– А как насчет твоих кексов из песочного теста? Они всегда расходятся на ура.

Она хихикает и смотрит, как я тянусь за ее личной книгой рецептов на случай, если она решит внести в рецепты коррективы.

– Это твои любимые кексы, поэтому ты их и хочешь.

Я поворачиваюсь к ней и кладу книгу на островок.

– Признаю: виновата.

Она качает головой, уголки ее губ ползут вверх, но она не спорит, и я радостно улыбаюсь. Мы работаем сообща и достаем ингредиенты, миски для смешивания и все остальное, что нам понадобится.

Я не такой отменный пекарь, как мама, но я усердная, и мне нравится хлопотать вместе с ней.

В доме жарко (в этом прелесть жизни в старом доме без центральной системы кондиционирования), поэтому, чтобы привнести в кухню хоть какую-то прохладу, я включаю потолочный вентилятор и вентилятор на полу. Когда духовка разогреется, здесь станет невыносимо.

Мама включает музыку, и, занимаясь готовкой, мы обе поем и танцуем. Наш смех заполняет пространство, и я вспоминаю те времена, когда этот звук полностью отсутствовал

в нашем старом доме.

Я стараюсь не слишком часто думать о том, что было *раньше*, – о том, как мы жили с отцом, но иногда от этих мыслей трудно отделаться.

Я беру тесто и равномерно распределяю его по формочкам, пока мама готовит три разных вида глазури. Кухня – самая обновленная часть дома, и поскольку мама любит печь, она настояла на том, чтобы ей установили сдвоенный духовой шкаф. В такие моменты, когда готовится несколько партий кексов, это, безусловно, удобно.

Я убираю кексы в духовку и устанавливаю таймер, хотя в этом нет необходимости.

У мамы есть нюх, какое-то шестое чувство. Удивительно, как ей удается определить момент, когда все готово, но это умение ее еще ни разу не подвело.

Она смотрит на свой телефон и морщит нос.

– Кто там?

Я смываю с рук брызги жидкого теста.

– Твоя сестра.

Я закатываю глаза. У меня хорошие отношения со старшей сестрой, но это не значит, что я слепа и не вижу ее недостатков, которых великое множество.

– Что она учудила на этот раз? – Я вытираю руки и начинаю собирать грязные миски и лопаточки.

– Она не придет домой к ужину. Встречается с Майклом.

Я старательно скрываю свою реакцию. Майкл уже много

лет является парнем Джорджии, но все это время они то расстаются, то сходятся снова. Человек он не самый плохой, но вдвоем они представляют собой смертельную комбинацию. Дикую, спонтанную, на грани катастрофы.

Когда они расставались в последний раз, Джорджия поклялась, что больше никогда его не увидит. Лгунишка.

Не поймите меня превратно, это ее жизнь, и она вправе поступать как ей заблагорассудится, но я хочу, чтобы она нашла кого-то, кто бы относился к ней как к королеве, и не тратила время на мужчину, который, несмотря на проведенные вместе годы, убегает при одном упоминании о браке. Да, мне всего восемнадцать, но я не глупа. Пара должна быть на одной волне и смотреть в одну сторону, а не как эти двое.

– Я думала, они расстались? – Я с бóльшим остервенением, чем того требует ситуация, тру миску из нержавеющей стали.

– Ты же знаешь Джорджию. Она любит его и каждый раз думает, что теперь все будет по-другому.

– Может, на этот раз так и будет. – Я пытаюсь вложить в свой голос немного ложной надежды, но мы обе смеемся, зная, что это вряд ли произойдет.

Я заканчиваю с мытьем посуды и помогаю ей с глазурью.

– Кексы готовы.

Она резво поднимает голову и мчится к духовке, натягивая рукавицу. И расставляет противни, чтобы дать им остыть.

– Не могла бы ты проверить почту?

– Легко.

Я открываю боковую дверь, спускаюсь по ступеням, и мои ноги касаются подъездной дорожки. Ее недавно заасфальтировали (это оплатили мои бабушка с дедушкой), и теперь я скучаю по тем временам, когда можно было пинать гравий.

Я смотрю на соседний дом. Его недавно продали, и пока в него никто не заехал. Однако сегодня снаружи припаркован фургон. Я прищуриваюсь и иду дальше по улице, пытаюсь разглядеть надпись на фургоне.

Ландшафтный дизайн Холмса.

Вот как! Может быть, тот, кто его купил, нанял ландшафтного дизайнера, чтобы тот приехал и убрал все заросли. Двор и дом, конечно, нуждаются в уходе, как и наши, но они прекрасны и таят в себе огромный потенциал. Когда мама купила этот дом, я сначала решила, что она рехнулась, не купив новостройку, но потом поняла. В старом доме гораздо больше очарования. Все, что от вас требуется – подарить ему немного любви.

Я открываю почтовый ящик, беру письма и поворачиваюсь, чтобы вернуться домой, когда слышу стон. Он доносится из-за забора, отделяющего наш двор от соседнего.

– Эй? – кричу я.

Ответа нет, но я слышу шум, напоминающий звуки борь-

бы.

Я с опаской выхожу во двор и обнаруживаю, что калитка на задний двор открыта. Я оглядываюсь на припаркованный на улице фургон.

Салем, вот так и убивают людей.

Но эта мысль не мешает мне выйти на задний двор.

– Э-эй? Есть тут кто-нибудь? – Мой голос звенит в после-полуденной жаре.

Шипение и пыхтение, словно кто-то пытается снести дом, – вот единственный ответ, который я получаю.

Я огибаю строение сбоку и вижу мужчину, который яростно пропалывает разросшиеся цветы и кустарник. Он стоит на четвереньках, и невозможно не заметить, какие мускулистые у него руки и ноги. Не говоря уже о заднице.

Хватит пялиться на задницу незнакомца!

Он темный от загара; такой загар можно приобрести, только если провести на солнце много часов. Логично, если этот ландшафтный фургон принадлежит ему. У него шоколадно-каштановые волосы с выцветшими на солнце светлыми прядями. Все ненужное он отбрасывает за спину, и многое из этого попадает в грязный бассейн, которым не пользовались целую вечность.

– Здравствуйте! Вам помочь?

Услышав мой голос, он замирает и оборачивается. Каштаново-карие глаза с прищуром смотрят на меня. Он оглядывает меня с ног до головы, мои грязные ботинки, письма

у меня в руках, и далее вверх по телу, затем обратно вниз.

– Вы вторглись на чужую территорию, – ворчит он и садится на корточки. На его носу россыпь веснушек, и хотя на мой беглый взгляд этому мужчине слегка за тридцать, веснушки придают ему моложавый, мальчишеский вид, который уравнивает густая щетина на угловатых скулах.

– Вам следовало бы надеть солнцезащитные очки. – Понятия не имею, почему эта фраза слетает с моих губ.

– Что?! – Он откидывает с глаз лохматые волосы и щурится, глядя на меня. По-видимому, он согласен с тем, что я сморозила глупость. Даже если ему действительно *следовало* их надеть.

– Простите. – Я качаю головой. – Я ваша соседка. – Я указываю большим пальцем через плечо на свой дом. – Я услышала вас и подумала, что у вас проблемы, поэтому решила зайти и проверить.

– Я в порядке. – Его голос глубокий, насыщенный, а от тембра у меня по спине пробегают мурашки. – Вы можете идти.

– Вы здесь на законных основаниях? – спрашиваю я, пристально глядя на него.

Уголки его губ подергиваются, намекая на улыбку.

– Это мой дом, поэтому да. А *вы* здесь на законных основаниях?

Мы оба знаем ответ на этот вопрос.

– Ой. – Я делаю шаг назад. – Я... я полагаю, что нет. –

Я заикаюсь, осознав масштаб своей глупости. – Прошу прощения.

Он возвращается к своей трудоемкой работе и более не обращает на меня внимания. Судя по состоянию двора, ему потребуется немало времени, чтобы привести все в порядок в одиночку, но, возможно, в будущем он обратится за помощью, а сейчас просто вымещает на растениях свою досаду.

– Я не хотела вторгаться, – бормочу я и пячусь к калитке в углу. – Я просто волновалась. – Он на меня не смотрит и швыряет за спину еще больше сорняков. – Если вам что-нибудь понадобится, не стесняйтесь постучаться в нашу дверь.

Осознав, что он не собирается мне отвечать, я бегом возвращаюсь на нашу подъездную дорожку.

Боковая дверь открывается, и мама высовывает голову.

– А я иду тебя искать. Я уже стала волноваться.

Я трясую головой и взбегаю по ступенькам в дом.

– Извини. Я только что познакомилась с нашим новым соседом.

– Ого! – В ее голосе звучит изумление, и она оглядывается по сторонам, словно в надежде кого-то увидеть. – Я не знала, что они уже переехали.

– Он какой-то нелюдимый.

Она хмурится и запирает дверь. Она уже достала кексы из формы и выложила их на столешницу.

– Что ж, жаль.

– Ммм, – мычу я.

– Скорее всего, он просто не в духе. Переезд – это так хлопотно!

Я безразлично пожимаю плечами, но мой взгляд скользит к окну над уголком для завтрака, которое выходит в его двор. Я его не вижу, но представляю, как он стоит там на четвереньках.

– Возможно.

Почему-то я в этом сомневаюсь, и даже несмотря на его, мягко говоря, нелюбезное поведение, я испытываю к новому соседу живейшее любопытство.

Глава вторая

Новый сосед (прошло три дня, а я до сих пор не знаю его имени) методично приводит в порядок свой сад. Он добился приличного прогресса, а вчера ему помогали несколько человек.

Я сидела на крыше и наблюдала за ним, но он меня не заметил.

Мама, если бы поймала меня за этим делом, назвала бы меня шпионкой, но мне это слово не по душе.

Мне всегда нравилось наблюдать за другими людьми (именно наблюдать, а не подглядывать) и представлять себе, как они живут, кого любят, о чем тревожатся. Так много людей, так много пересекающихся жизней, а мы проходим мимо, не задумываясь друг о друге.

Я наблюдаю за тем, как он пашет во дворе и с какой яростью вырывает сорняки, вытирая со лба пот, и невольно задаюсь вопросом, какие демоны его преследуют. Похоже, у него внутри много сдерживаемого гнева, и мне интересно, что к этому привело.

Но спросить я не могу. Поэтому наблюдаю. Наблюдаю и удивляюсь.

Меня гложет любопытство. Я забираюсь обратно в окно, закрываю его на задвижку, глажу Бинкса по голове и сбегая вниз по лестнице.

Дома никого нет, и никто меня не останавливает, когда я достаю по одному из каждой разновидности песочных кексов, которые мы на днях испекли, а также стакан свежего маминого лимонада.

Я несу угощение к соседнему дому и мысленно молюсь, чтобы настроение у него было лучше, чем вчера, хотя последний час я наблюдала за его работой, и что-то подсказывает мне, что обнадеживаться не стоит.

– Привет! – бодро кричу я.

Мужчина перестает выкапывать куст и, прищурившись, смотрит на меня.

Сегодня он без рубашки, и с близкого расстояния я вижу пот на его мускулистой груди. У него широкие плечи и узкая талия. Этот парень спортивный и накачанный и явно все свободное от работы время проводит в тренажерном зале.

Сегодня на нем бейсболка, прикрывающая глаза от солнца. Мои губы кривятся от удовольствия, когда я вспоминаю свою фразу о солнцезащитных очках. Он *все-таки* ко мне прислушался.

Его взгляд опускается на поднос в моих руках, и он поворачивает кепку задом наперед.

– Очередное нарушение границ?

Я закатываю глаза.

– Добрососедские отношения. Кексы и лимонад. – Я торжественно протягиваю ему поднос. Он облизывается, но не делает ни малейшего движения, чтобы его у меня забрать. –

Это не отрава, – уговариваю его я. – Кексы с лавандой, медом и лимоном с мятной глазурью. Кексы из песочного теста – мои любимые.

– Вы много говорите.

Я пожимаю плечами, ничуть не смущенная его замечанием.

– Я это уже слышала.

В Хоторн-Миллс, штат Массачусетс, большинство дней в году холодные, но лето бывает знойным. Сегодня определенно один из таких дней. Я всего-то пересекла наши два двора и пару минут стою перед ним, а моя спина уже мокрая от пота. Я смотрю на бассейн справа и гадаю, собирается ли он его почистить и откроет ли до конца лета.

Он вздыхает и вытирает пальцы о шорты.

– Который из них кекс из песочного теста?

Я киваю на тот, что посередине, и сосед тянет к нему свои длинные загорелые пальцы.

– А остальные не хотите попробовать?

– Нет. – Он качает головой и возвращается к работе.

– А лимонад?

Он колеблется, берет стакан и ставит его на ровный участок земли.

Я жду в надежде, что он что-нибудь скажет, ну, что-то вроде *спасибо*. Но он берет лопату и готовится снова копать.

– Что-то еще? – Он переворачивает кепку, и его карие глаза скрываются за козырьком.

– Нет. Это все.

Побежденная, я возвращаюсь к дому. Подойдя к воротам, кричу:

– Не за что!

И слышу за спиной тихий смешок.

Я вхожу в антикварную лавку на центральной улице нашего городка, и колокольчик радостно возвещает о моем прибытии.

Антикварная лавка «Бурное прошлое» – гордость и радость моей мамы. Как бы она ни увлекалась домашней выпечкой, она никогда не мечтала о собственной пекарне. Зато всегда хотела иметь симпатичный маленький магазинчик, заполненный вещами, которые выбрала она сама. Некоторые представлены здесь в своем изначальном виде, другие она или я слегка подправили в гараже за зданием лавки.

– Привет, мам, – говорю я, прохожу в магазин и ставлю сумку за прилавок.

– Здравствуй, милая. – Она отрывает взгляд от витрины, которую переделывает уже в четвертый раз за неделю.

Может, кому-то и не нравится работать на свою маму, мне это в кайф. Болтать с покупателями, наводить порядок, наблюдать, как люди влюбляются в старые вещи... Это настоящее волшебство!

А еще приятно, что мама позволяет мне продавать свечи, которые я изготавливаю. Все началось с небольшого хобби,

после того как психотерапевт посоветовала мне направить свой гнев и депрессивное состояние во что-нибудь продуктивное. Конкретно свечи она не предлагала. Она говорила о живописи, фотографии, спорте, но я почему-то остановила свой выбор на свечах. Теперь они стали популярны в нашем городке, и я даже продаю их через Интернет. Пора приступить к созданию осенних ароматов, чтобы к осени все было готово.

– Тебе помочь? – Я подхожу к столу.

Она качает головой и добавляет на витрину одну из моих свечей с логотипом Салем&Бинкс, на котором изображен маленький черный кот и буквы С&Б.

– Тут я почти закончила, а потом я уйду.

Во второй половине дня я сменяю ее в магазине и буду работать до закрытия, а вечером пойду домой ужинать.

Вскоре мама обнимает меня на прощание и уходит.

В лавочку заглядывают несколько посетителей, как местные, так и туристы, и я совсем не удивляюсь, когда через час там появляется мой парень Калэб.

– Привет, – говорит он и поднимает пакет с едой из местной закусочной. – Надеюсь, ты проголодалась.

– Умираю с голоду. – Мой желудок урчит в знак согласия.

Калэб Торн – типичный американец. Потомок основателя города, звезда школьной футбольной команды, наделенный волнистыми светлыми волосами, голубыми как лед глазами и скулами, которые бывают разве что у моделей. И он

весь мой.

Он ставит пакет на прилавок и наклоняется меня поцеловать.

– Я соскучился. – Он одаривает меня улыбкой, которую приберегает только для меня.

– Я тоже. – Он на несколько дней уезжал в Бостон, хотел познакомиться с городом, в который переедет осенью, чтобы учиться в Гарварде.

– Что-нибудь интересное произошло в мое отсутствие? – Он открывает пакет, а я лезу под прилавок и достаю напитки из мини-холодильника, который поставила туда мама.

Я думаю о своем активном новом соседе, но решаю о нем не упоминать.

– Не-а. Я сидела на крыше, наблюдала за людьми. Придумала несколько новых ароматов для свечей. И искупала Бинкса после того, как он выбрался на улицу и жутко вонял, когда я его нашла. – Я поднимаю испещренную царапинами руку.

– Ой! – Он внимательно осматривает мою руку. – Ты как будто на войне побывала.

– Можно сказать и так.

Он усмехается и отпускает меня, а потом наклоняется и крадет еще один поцелуй.

– Я рад, что тебе удалось выжить. – Он открывает один из пластиковых контейнеров и передает мне индейку.

– Как там в Бостоне? – Я открываю диетическую колу.

– Чертовски круто. – Он счастливо улыбается. Кaleb мечтал поступить в Гарвард с тех пор, как мы начали встречаться в десятом классе. Он был уверен, что не поступит, но я то лучше знала. – Тебе бы там понравилось.

Я хмурюсь. Это проблема, с которой мы столкнулись в последнее время. Кaleb убежден, что мне следует переехать с ним и жить за пределами кампуса. А по-моему, это глупо. Город мне не нравится, а Кaleb целыми днями будет пропадать в колледже. Что я там буду делать? Сидеть в квартире и плевать в потолок? Да, я могла бы устроиться на работу, но у меня уже есть работа, здесь, и я ее люблю, и хочу и дальше развивать свой свечной бизнес.

– Я уверена, что понравится, когда приеду тебя навестить. Он вздыхает, качает головой, берет картошку фри и вертит ее в пальцах.

– Ты со мной не поедешь? Правильно я понимаю?

– Кaleb, – я отчаянно вздыхаю, – я там буду несчастлива.

– Ты не можешь этого знать наверняка, детка.

Я беру сэндвич и откусываю. Я так голодна, что даже эта тема не отбивает у меня аппетит.

– А ты не можешь знать, что буду. – Я произношу это твердо, но без вызова. Спорить я не хочу. – Мне нужно остаться здесь. Подумать над тем, каким будет *мой* следующий шаг.

Он опускает плечи.

– Я знаю, просто... – Он проводит рукой по волосам. –

Я буду по тебе скучать, вот и все.

– Знаю. Я тоже буду по тебе скучать. Но Бостон не так далеко. Я буду навещать тебя, а ты – меня. – Бостон всего в трех часах езды на поезде от нашего городка, а Кaleb ведет себя так, будто он за тридевять земель.

– Ты права.

Каким-то чудесным образом, пока мы едим и болтаем, ни один клиент не заходит. Пообедав, Кaleb убирает со стола, целует меня и сообщает, что на выходных мы идем в кино.

Оставшиеся часы моей смены проходят гладко, и я закрываю лавочку и ухожу домой. На подъездной дорожке я с удивлением обнаруживаю соседский фургон. Обычно он уезжает около пяти вечера, а сейчас почти шесть.

Я поднимаюсь к боковой двери и останавливаюсь, заметив что-то на ступеньках. Это стакан из-под лимонада, а под ним вырванный лист бумаги с нацарапанными буквами. Я прищуриваюсь, пытаюсь разобрать почерк. На бумаге всего одно слово, но я усмехаюсь и качаю головой: «*Спасибо*».

Глава третья

Бывают ночи, когда, что бы я ни делала, я не могу уснуть. Это случается не так часто, как раньше, но когда это происходит, я научилась это принимать. Сейчас шестой час утра, и я выскальзываю из постели. Бинкс приоткрывает большой зеленый глаз и свирепо смотрит на меня, недовольный тем, что я потревожила его сон. Затем закрывает глаз и снова засыпает.

Переодевшись из пижамы в костюм для бега, я на цыпочках спускаюсь по лестнице, чтобы не разбудить маму или сестру. Нацарапав записку, в которой я сообщаю им, что решила пробежаться, я выхожу на улицу и вдыхаю утренний воздух. Несколько минут я разминаю ноги, разглядываю росу на траве, а потом отправляюсь на пробежку.

Я никогда не слушаю музыку во время бега отчасти из соображений безопасности, а еще потому, что мне не нравится отвлекаться. Очистить разум, выровнять дыхание и восстановить связь с окружающим миром – вот что мне нужно, когда меня одолевает бессонница.

Дыхание выравнивается. Я забегаю в наш небольшой центр города, оббегаю беседку (в это время года она увита плющом и ползучими цветущими растениями), миную антикварный магазин и бегу обратно. К тому времени, как я оказываюсь на своей улице, я преодолеваю дистанцию в три

с половиной мили.

Когда я сбавляю скорость и перехожу на шаг, на улицу сворачивает серый пикап. Он останавливается перед домом, и из него выпрыгивает наш новый сосед. Подбоченившись, он стоит на тротуаре и смотрит на дом так, словно это мощное препятствие, которое ему предстоит преодолеть.

И это не преувеличение. Сайдинг нужно покрасить, крышу заменить, а некоторые ставни висят на волоске. Зато двор после нескольких дней работы начинает выглядеть как... настоящий двор, а не джунгли.

Услышав мои шаги, он поворачивает голову, его пронизательные глаза прищуриваются, глядя на меня.

– Вы рано встали, – произносит он слегка охрипшим голосом, поворачивается к фургону и открывает пассажирскую дверь. Он достает дорожный термос с кофе и закрывает дверь, когда я к нему подхожу.

– Я часто встаю рано.

Он потягивает кофе.

– Вы молоды. Вам нужно быть осторожной.

Я фыркаю, и этот звук ненадолго повисает в воздухе между нами.

– Не беспокойтесь за меня. Со мной ничего не случится.

Я ему этого не говорю, но все так обеспокоены притаившимися снаружи чудовищами, что забывают о тех, кто преследует нас за закрытыми дверями.

– Вы бегали. – Наконец-то он замечает мой костюм. А

прежде, наверное, думал, что я вышла в такую рань, чтобы поразвлечься.

Это не вопрос, но я все равно отвечаю.

– Да. Я бегаю всегда, когда не могу уснуть. Помогает проветрить голову.

– Вы плохо спите? – спрашивает он, озадаченно глядя на меня.

– Иногда. – Я пожимаю плечами и отмечаю, что кузов его фургона заполнен свежей мульчей. – Бессонница-сука.

Он едва заметно улыбается.

– Мне пора работать.

– Да, конечно. – Я уже ухожу, но тут же оборачиваюсь. – Вы мой новый сосед, а я так и не знаю вашего имени.

Он вскидывает бровь.

– Тайер.

Я опускаю голову.

– Приятно познакомиться, Тайер. Я Салем.

Он молчит, и я опять разворачиваюсь и ухожу. Я прохожу пару метров по нашей подъездной дорожке, когда он спрашивает:

– У вас остались те кексы из песочного теста?

Я оборачиваюсь, улыбаюсь и киваю.

Кексов у нас не осталось, но сказать об этом Тайеру я почему-то не могу.

Тайер. Никогда не слышала такого имени, но моему суро-

вому соседу оно идеально подходит.

Мама и сестра ушли на работу, а я вдруг оказалась на кухне, где готовлю кексы. Я знаю, что мама спросит, зачем я их испекла, так что мне придется придумать какой-нибудь предлог. Не могу же я ей сказать, что испекла их для нашего сварливого соседа. Что-то подсказывает мне, что она не поймет.

Пока я пеку, в доме тихо, но я ничего не имею против. Мне нравится быть одной, я жажду одиночества. Когда я одна, мне не нужно притворяться, помимо воли натягивать на лицо улыбку или участвовать в разговоре, когда я предпочла бы помолчать.

Бинкс вертится под ногами, и я улыбаюсь, глядя на него сверху вниз. Он мой лучший друг; главное не говорить об этом Лорен. Она обидится, если узнает, что я ставлю кота выше нее.

Как будто взбудораженная моими мыслями, она звонит со своего профиля на FaceTime. Я со вздохом вытираю пальцы о фартук, беру телефон и отвечаю на звонок.

– Привеее-ееет! – громко кричит она в трубку.

– Привет, – отвечаю я, добавляя в пакет глазурь.

Она всматривается в меня, сморщив носик и надув накрашенные красной помадой губки.

– Что-то печешь?

– Да. – Я закрываю пакет.

– А-а, – тянет она и перекидывает через плечо длин-

ные темно-каштановые волосы. – Я звоню, чтобы сказать: в эти выходные Оскар устраивает вечеринку у бассейна, и мы идем.

– Мы идем?

Она закатывает глаза.

– А как же иначе? Судя по всему, это наше последнее беззаботное лето. Вечеринки, реки алкоголя, секс и все такое.

Я смотрю на нее и качаю головой.

– Ты сумасшедшая.

– Но ты меня все равно любишь.

Она права, я ее люблю. Временами Лорен бывает чересчур самоуверенной, но она лучшая подруга, о которой только можно мечтать. Безумно преданная и готовая яростно защищать.

– Мне нужен новый купальник, – признаюсь я, вспоминая плачевное состояние моего нынешнего купальника, который я ношу уже несколько лет.

– Отлично! – Она нетерпеливо хлопает в ладоши. – Давай сегодня днем пройдемся по магазинам.

– Я работаю. – Я включаю в духовке свет, проверяю, как готовятся кексы, и снова его выключаю.

– Тогда завтра?

– Завтра.

– Заеду за тобой в одиннадцать? Купим пончики и колу, а потом пойдем в торговый центр.

– Звучит заманчиво.

– Ладно, тогда до встречи.

Она заканчивает разговор, не попрощавшись. Это Лорен. Вечно куда-то спешит.

Час спустя я смотрю на партию свежее испеченных, покрытых глазурью кексов из песочного теста. Шесть я оставляю дома, а остальные шесть отдам Тайеру.

Когда я подхожу к его двору, он сидит на корточках, уткнувшись коленями в грязь, и устанавливает какую-то странную пластиковую штуковину. Я замечаю, что половина мультчи уже исчезла.

– Я принесла кексы, – произношу я, объявляя о своем появлении.

Он оглядывается через плечо, встает и сдергивает перчатки.

– Я о них мечтал.

Кажется, сегодня у него настроение лучше, чем в предыдущие дни. Интересно, что изменилось. А еще интереснее, что разозлило его тогда.

– Какие красивые!

Он открывает контейнер, нюхает кексы, достает один и снова закрывает крышку. Он откусывает гигантский кусок, съедая полкекса за один раз.

– Восхитительно. – Несколько крошек вылетают у него изо рта, и он издает мальчишеский смешок, проглатывая кусочки. – Извините.

Я спокойно пожимаю плечами.

– Я рада, что они понравились кому-то еще. А у вас сегодня настроение получше, – выпаливаю я, прежде чем успеваю себя остановить.

Он морщит нос и доедает оставшийся кусок.

– Это было так заметно, да?

– Трудно не заметить, когда человек ведет себя как говнюк.

Он приближается, и часть меня хочет, чтобы я взяла свои слова обратно, а другая часть рада, что я их произнесла. Я считаю, что следует чаще обращать внимание людей на их поведение.

– Прошу прощения. – Длинные пальцы скользят по волнам его волос. – Просто такой период, сплошное дерьмо. – Он оглядывается через плечо на дом, и я уверена, что дом – это *часть* так называемого «дерьма», но определенно не все. Однако я не из тех, кто лезет не в свое дело, поэтому я опускаю голову.

– Ешьте на здоровье.

Он кивает, и я поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Спасибо, Салем.

При звуке его голоса я замираю, мое имя в его устах непонятно почему вызывает в моем теле дрожь.

Я иду дальше, как робот, ставя одну ногу перед другой.

Глава четвертая

– Они все отвратительные. – Лорен вытаскивает из примерочной кучу выбранных мною купальников. – Жди здесь, я принесу тебе парочку на примерку.

– Только не слишком откровенные!

Она вскидывает руку, жестом показывая: *я знаю*.

Я сижу на скамейке в раздевалке и жду ее возвращения. Стены оклеены яркими обоями с тропическим рисунком, магазин пестрит неоновыми вывесками, а из динамиков льется громкая поп-музыка.

Лорен возвращается через несколько минут и предлагает три варианта. Я выбираю простой черный купальник – отдельный верх и плавки с высокой талией, которые полностью прикрывают ягодицы. Лорен смеется.

– Так и знала, что ты его выберешь.

– Два других – это... – Они мало что оставляют на долю воображения. Мне все равно, как одеваются другие девушки, но мне нравится, чтобы мои части тела были прикрыты. Это личные предпочтения, не более того.

– Знаю, знаю. – Она заталкивает меня в раздевалку вместе с черным купальником. – Надень его пока, а я пойду посмотрю, что еще у них есть.

– Мне нужен только один, – возражаю я в надежде, что этот купальник подойдет.

– Бла-бла-бла, – игриво бормочет она.

Я переодеваюсь и смотрю на себя в зеркало. Густые светлые волосы свисают ниже груди, но из-за кошмарного освещения в раздевалке они кажутся не светлыми, а страшно-розовыми. Этим летом я уже успела приобрести легкий загар, а на груди выскочили веснушки, хотя я и пользовалась солнцезащитным кремом.

Занавеска со свистом отодвигается.

– Боже! Да ты горячая штучка! – Лорен делает мне комплимент, и я тут же краснею.

– А если бы я была голой?

Она закатывает глаза.

– Я видела тебя голой.

– Мы в магазине!

– Хватит драматизировать. Вся твоя красота надежно прикрыта. – Она оглядывает меня с головы до ног. – Только на тебе это простое бикини может выглядеть так хорошо. Я нашла и такой цвет. – Она поднимает розовую версию моего купальника.

– Отлично. Я возьму оба. – Я забираю у нее купальник. – А теперь убирайся отсюда, дай мне переодеться.

– Сколько драмы! – шутит она и наконец оставляет меня в покое.

Я проверяю свои купальники, пока Лорен продолжает осматривать магазин.

– Мне так хорошо! – Она берет меня под руку, когда мы

выходим из магазина в торговый центр. – А тебе?

– Абсолютно, – отвечаю я, не желая портить ей настроение. На самом деле торговые центры и шопинг не моё.

Она запрокидывает голову и смеется.

– Ты маленькая лгунья, но я не стану заострять на этом внимание. – Она тянет меня в следующий магазинчик. – Давай увидим тебя в *абсолютной* красе, – издевается она. – Осмотрись в этом магазинчике.

Просто класс.

Моя рука в руке Калеба, наши пальцы переплетены, когда мы направляемся к заднему двору дома Оскара. Впереди бежит Лорен, на плече у нее сумка, такая огромная, что в нее поместился бы маленький ребенок. Она оглядывается через плечо, на кончике ее изящного носа красуются крошечные солнцезащитные очки. Они слишком малы, чтобы на самом деле защищать глаза.

– Скорее! Что вы как черепахи?

Калев посмеивается и сжимает мою ладонь.

– Она никогда не изменится, правда?

– Ты имеешь в виду – не перестанет командовать? – Я выдавливаю улыбку. – Нет, никогда.

Я знаю, что некоторые люди Лорен не переваривают. Она может быть властной и резкой, хотя я убеждена, что она ведет себя так не намеренно, ведь у этой девушки золотое сердце. Немногим посчастливилось увидеть эту ее сторону, но мне посчастливилось, поэтому я считаю себя везунчиком.

Семья Оскара владеет огромным новым домом, и когда мы входим на задний двор, у меня захватывает дух от этого прекрасного, роскошного пространства. Здесь определено поработала профессиональная ландшафтная студия. Бассейн представляет собой изогнутое произведение искусства, снабженное не одной, а двумя горками. Он совсем не похож на дешевый пластиковый бассейн из моего детства.

Судя по всему, Калев испытывает такой же благоговейный восторг, как и я. Его дом – великолепный исторический особняк, он прекрасен, но он не *такой*.

Единственными школьными вечеринками, которые я когда-либо посещала, были вечеринки на поле после матчей и иногда вечеринки в подвале. Они мало напоминали нынешнее мероприятие.

– Здесь настоящие официанты, – бормочет Калев так тихо, что я единственная, кто его слышит.

– Это...

– Ага. Почти уверен, что это шампанское.

– Вау. Я и не знала, что у Оскара есть... ну, это. – Я указываю рукой на раскинувшийся перед нами дворец.

– Я тоже не знал. Я с ним редко общаюсь.

Возможно, Калев и принадлежит к числу золотой молодежи, он не любит находиться в центре внимания и обычно избегает подобных тусовок, если только не идет на них с близкими друзьями или со мной. Во всяком случае пойти на сегодняшнюю вечеринку уговорила его я.

Вокруг много людей, и это усиливает мое беспокойство. Я не люблю толпы народа и светские беседы.

Калеб это знает и, благослови его господь, направляется напрямиком к одинокому шезлонгу вдалеке, который пока никто не занял. Он находится в наименее многолюдной части заднего двора, поскольку большинство гостей тусуются либо в бассейне, либо у стола с закусками и напитками.

Я ставлю сумку, оглядываюсь в поисках Лорен и замечаю ее у стола. Она разговаривает с Мелани из нашего класса. Я поднимаю руку и машу, и тут Мелани оглядывается. Она машет в ответ, и ее улыбка застывает, когда она видит рядом со мной Калеба.

Такое случается сплошь да рядом. Девушки вечно завидуют, злятся, что он выбрал меня, ведут себя так, словно я его украла или приворожила к себе приворотным зельем.

Я смущенно опускаю голову и отворачиваюсь к шезлонгу. Калеб не обращает внимания на эти взгляды.

– Я бы чего-нибудь выпил. А ты?

– Диетическую колу, если есть.

Он кивает.

– Сейчас вернусь.

Я достаю полотенце из своей сумки (она намного меньше, чем сумка Лорен) и расстилаю его на шезлонге. Отбрасываю кроссовки и тянусь к подолу своей безразмерной рубашки с логотипом Coca-Cola. Калеб купил ее мне в подарок в качестве прикола, поскольку я – большая любительница диети-

ческой колы. Я снимаю рубашку и кладу ее в сумку. Я тянусь к пуговице на своих шортах и мгновение колеблюсь, прежде чем их снять.

Калевб возвращается, садится на шезлонг и ставит наши напитки рядом на землю. Он жестом предлагает мне занять место между его ног. Я так и делаю и прислоняюсь спиной к его груди. И вздыхаю, когда он проводит ладонями по моим рукам.

– Ты намазалась солнцезащитным кремом?

– Ой, нет. – Я со стоном лезу в сумку за флакончиком, наношу крем на себя и передаю ему.

Когда мы оба защищены от солнца, я прислоняюсь к нему и закрываю глаза. Его губы касаются моей макушки, и я не могу удержаться от улыбки.

– У меня такое чувство, что я тебя не видел со дня выпуска.

– Мы все время заняты, – печально вздыхаю я. Моя работа, работа Калеба и его подготовка к учебе в колледже, которая начнется через несколько коротких месяцев (а если точнее – *недель*). Для встреч у нас было гораздо меньше времени, чем обычно. – Наш завтрашний поход в кино еще в силе?

Калевб морщится.

– Черт, забыл тебе сказать. Мама попросила обратиться в гараже. Поскольку я скоро уезжаю, она каждый раз придумывает работу, которая требует моей помощи. – Я смеюсь,

представляя, как миссис Торн прочесывает свой дом в поисках вещей, которые нужно срочно починить. Она знает, что в этом Кaleb поможет ей лучше, чем муж. Разумеется, она могла бы кого-нибудь нанять, но это было бы уже не так интересно. – Мне жаль, – говорит Кaleb, вырывая меня из размышлений.

– Все в порядке. – Меня это не беспокоит. Я понимаю, что все меняется. Скоро я вообще буду видеть только в том случае, если поеду к нему в Бостон или он приедет домой на выходные. Грудь болезненно сжимается. Последние три года он присутствовал в моей жизни постоянно. Будет странно, если он вдруг исчезнет, но я думаю, что это может быть и к лучшему. Это заставит меня сосредоточиться на себе. На моих желаниях и потребностях. Надеждах и планах на будущее. Будь то учеба в колледже или что-то еще.

– Нет, не в порядке. – Его губы нежно касаются моего обнаженного плеча, нагретой солнцем кожи. – Я хочу проводить время с тобой.

– Мы придумаем что-нибудь другое. Может, ты зайдешь к нам на ужин, – предлагаю я.

Он хмурится, размышляя.

– Посмотрим.

Мне больше не хочется об этом говорить. Я оглядываюсь по сторонам. Кажется, на вечеринку собрались все из нашего выпускного класса и даже учащиеся младших классов. В нашей школе не так уж много детей. Городок маленький, а

его население и того меньше.

– Хочешь? – Калев указывает на бассейн.

Я трясусь головой:

– Ты иди, если хочешь.

– Не-а. – Его руки сжимаются вокруг меня. – Мне и здесь хорошо.

Я улыбаюсь, но он этого не видит, поскольку сидит сзади, и я еще сильнее прижимаюсь к его телу.

– Бее-ее, – шутит Лорен, проходя мимо и ставя свой стакан на брусчатку рядом с нами. – Вы такие сладкие, что меня от вас тошнит. Тошнит, правду вам говорю!

– Заведи себе парня, – советует ей Калев, и она корчит гримасу отвращения.

– Нет уж, спасибо. Не хочу связывать себя обязательствами. Мне и так хорошо.

– Поступай как знаешь. – Он наматывает на палец прядь моих светлых волос. – Не забудь свой напиток.

– О, точно. – Я наклоняюсь, беру стакан, делаю глоток и чувствую, как пузырьки проникают в желудок. Мне следовало бы прекратить пить литрами газировку, будь то обычную или диетическую, но избавиться от этой привычки не хватает сил.

– Вы, парочка неудачников, можете продолжать тусоваться здесь. – Лорен поправляет плавки от бикини. – А я искупаюсь в бассейне. Присмотрите пока за моими шмотками. – Не дожидаясь ответа, она спешит к бассейну. Я ожидаю, что

она грациозно спустится в него по лестнице, но вместо этого она кричит:

– Бомбочка! – и прыгает. А потом выныривает, лихорадочно оглядываясь по сторонам. – Куда подевался мой топ?

Глава пятая

Пурпурно-оранжевое сияние восхода проникает сквозь жалюзи, когда я завязываю шнурки на кроссовках. Бинкс лежит в изножье моей кровати и, прищурившись, наблюдает за мной. Его раздражает, что я опять так рано ухожу.

– Прости, Бинкс.

Клянусь, он фыркает, прежде чем закрыть глаза. Ох уж эти кошки. С ними невозможно, но и без них никак.

Я собираю волосы в хвост и смотрюсь в зеркало над комодом. Убедившись, что прическа не развалится во время пробежки, я провожу по губам гигиенической помадой, чешу Бинкса за ушками и тихонько спускаюсь по лестнице. Я иду медленно, ведь старая лестница скрипит, как больная спина.

Нацарапав записку, я выскальзываю за дверь. С наслаждением потягиваюсь и наполняю легкие свежим утренним воздухом, пока он не прогрелся.

Я дохожу до конца подъездной дорожки и подавляю стон, когда вижу Тайера в кузове его фургона, который забит самыми разными растениями и кустарниками.

Он выставляет цветы на тротуар, его взгляд останавливается на моих кроссовках, и он быстро поднимает голову.

– Очередная ранняя пробежка?

– Да, – протягиваю я.

Его глаза сужаются.

– У вас нет беговой дорожки или чего-то в этом роде?

– Нет. Даже если бы и была, я предпочитаю бегать на улице.

– Вы берете с собой перцовый баллончик?

– Нет.

Он подбоченивается и укоризненно качает головой.

– Это небезопасно.

– Я не нуждаюсь в вашем разрешении, чтобы бегать в родном городе. Я делала это задолго до того, как вы почтили нас своим присутствием. – Я киваю головой в сторону его дома.

– Простите, что беспокоюсь о вашей безопасности.

– Я в состоянии сама о себе позаботиться.

– Вы уверены? На вид вы совсем юная.

– Мне восемнадцать. – Произнеся это вслух, я понимаю, что это и правда подтверждает, что я юная, и никак не доказывает мою точку зрения. Чтобы сменить тему, я указываю на одно из растений. – Сажаете жасмин?

– Разбираетесь в растениях?

– Немного.

– Хм. – Кажется, он впечатлен. – Что же, бегите, раз я не в силах вам помешать.

Я качаю головой. Этот мужчина сбивает меня с толку.

– Увидимся позже, Тайер.

– Удачной пробежки, Салем. – Он поворачивается обратно к фургону, чтобы продолжить разгрузку.

Я бегаю долго, пытаюсь проветрить голову и привести в

порядок мысли, и когда возвращаюсь на нашу улицу, вижу, что подъехал еще один фургон, и теперь у дома Тайера работает целая бригада.

Интересно. Я прохожу мимо, не обращая внимания на мужчин, некоторые из которых откровенно пялятся на меня.

– Перестань пялиться и работай! – слышу я недовольный голос Тайера, который на них кричит.

Я проверяю почту, поднимаюсь по дорожке и прищуриваюсь, заметив что-то на ступеньках. Я наклоняюсь, поднимаю предмет и ошарашенно качаю головой.

– Перцовый баллончик, – растерянно произношу я вслух, вертя в руках черный баллончик цилиндрической формы. На обороте ценник из круглосуточного магазина дальше по улице.

– Берите его каждый раз, когда отправляетесь на такую раннюю пробежку.

Я смотрю на Тайера, который стоит прямо за моей спиной. Как он умудрился так тихо подкрасться? Такой высокий и крупный, да еще в таких тяжелых ботинках!

– Смотрите-ка, кто теперь вторгается на чужую территорию!

Уголки его губ слегка подергиваются.

– Вы меня подловили.

– Спасибо за это. – Я поднимаю баллончик, как будто он не знает, что *это* такое.

– На здоровье.

Мы пьем друг на друга, между нами повисает тишина, но ни один из нас не предпринимает ни единой попытки ее заполнить. Так продолжается целую минуту.

Он засовывает руки в карманы своих шорт-карго и бросает взгляд через забор, разделяющий наши два участка.

– Вам случайно не нужна работа? Не на полный рабочий день... два раза в неделю или пару часов в выходные.

Я заинтригована.

– Что за работа? Вряд ли я гожусь для ландшафтного дизайнера. Мои знания о растениях в лучшем случае посредственные.

Он хихикает и трясет головой.

– Нет, не это. Мне нужна няня или кто-то вроде того... для моего сына. Как только я приведу дом в порядок, он будет иногда оставаться здесь со мной.

– Ого! – Такого я не ожидала. – У вас есть ребенок?

Он смеется.

– Да, Форрест. Ему шесть лет.

– Как мило. – Я улыбаюсь. Я люблю детей. Они веселые и открыто проявляют свое любопытство ко всем и вся. Иногда я им завидую, потому что мое детство было жестоко отнято у меня одним чудовищем. – У меня уже есть работа, – признаюсь я, и его лицо становится удрученным. – Но я работаю на свою маму, у нее антикварная лавочка в городе. Так что, возможно, я смогу урвать часок-другой. – Это лучшее, что я могу ему предложить.

– Хорошо. – Он кивает и приглаживает волосы. – Ладно. Надеюсь, что это место... станет пригодным для жизни в ближайшие несколько недель. Не то чтобы это стоило обсуждать, но кое-что пришлось переделать, сантехнику, например, – бессвязно бормочет он и усмехается. – Простите. Вернемся к этому разговору в другой раз.

– Конечно, – соглашаюсь я. – Можем поговорить в любое время.

Он молча разворачивается и идет к своему дому.

Опустив голову, я открываю боковую дверь и скидываю кроссовки. Снимаю носки и запихиваю их внутрь. Мне нужно в душ, я потная и воняю, но не могу не воспользоваться моментом, чтобы вдохнуть аромат блинчиков.

– Мм-м, мам, как вкусно пахнет!

Она благодарно улыбается и переворачивает блинчик на сковородке.

– Спасибо. Ты проголодалась?

– Умираю с голоду, – признаюсь я. – Но сначала приму душ.

Она закатывает глаза и добавляет новые блины к уже высокой стопке на тарелке с цветочным узором.

– Твой запах еще ни разу не заставил меня убежать на край света, – шутит она. – Поверь, я переживу.

– Ма-ам, – смеюсь я.

– Просто ешь. – Она указывает на кухонный стол. – Твой душ пару минут подождет.

На лестнице раздаются шаги Джорджии, и через мгновение она входит на кухню. Длинные светлые волосы собраны в конский хвост, на лице умелый макияж. Темно-синий халат выгодно подчеркивает ее изгибы.

– Мне нужно идти. Я опаздываю. – Она хватает с тарелки блинчик, запихивает половину в рот и поворачивается к кофейнику. – Доброе утро, сестренка. – Она улыбается, наливает кофе в дорожную кружку, насыпает туда полную ложку сахара добавляет сливки.

– Привет.

– Люблю вас. – Она запечатлевает на щеке мамы поцелуй и быстро обнимает меня, после чего хватает еще один блинчик и выскакивает за дверь.

В этом вся Джорджия. Вечно опаздывает. Всегда в спешке. Каким-то чудом она всюду оказывается вовремя. Непостижимо.

Ее автомобиль громыкает во дворе и с визгом выезжает на дорогу. Мама весело улыбается:

– Ох уж эта девчонка.

Я не сомневаюсь, что время от времени она произносит то же самое Джорджии, говоря обо мне.

Налопавшись блинчиков, я поднимаюсь наверх принять душ. Древние трубы скрипят и стонут. В итоге душ получается скорее холодным, нежели горячим, но ничего страшного, мне все равно стоит остыть. К счастью, сейчас не зима, иначе я бы рисковала свалиться с простудой.

После душа я расчесываю волосы, переодеваюсь в шорты и майку и выскальзываю в окно. Я ложусь на крыше, закрываю глаза и подставляю кожу солнцу. Звуки на соседнем участке меня успокаивают, убаюкивают, и я погружаюсь в дремоту.

Проходит немного времени, и я просыпаюсь. Я сажусь, протираю усталые глаза, бросаю взгляд на экран телефона, ругаюсь себе под нос и спешу в дом.

Я договорилась встретиться с Калэбом в торговом центре, чтобы перед работой пообедать в одном из наших любимых ресторанчиков, поэтому я переодеваюсь и разбираю постиранное белье. После того как все дела выполнены, у меня остается полчаса, чтобы доехать до торгового центра.

Когда я приезжаю, Калэб уже на месте. Простые шорты цвета хаки и белая рубашка смотрятся на нем отменно, и я подхожу к нему, встаю на цыпочки и целую в губы. Он обнимает меня и улыбается в ответ на поцелуй.

– Что это было?

– Соскучилась по тебе, вот и все. – Я опускаюсь на пятки. – А еще я умираю с голоду. Накорми меня.

Двух блинчиков, которые я проглотила утром, оказалось недостаточно. Он хихикает и обнимает меня.

– Твое желание для меня – закон.

Он ведет меня в ресторан, и мы усаживаемся за столик. Мы обсуждаем мелочи, о которых не упоминали в переписке последние несколько дней, и когда нам приносят наши блю-

да, мы набрасываемся на них, будто не ели целые сутки. Я знаю, что Калев проводит большую часть свободного времени в спортзале или на футбольном поле, работает со своим старым тренером и готовится к поступлению в колледж, но я скучаю по нему, так что приятно побыть вместе.

Когда мы выходим из ресторана, он берет меня за руку, и я пробегаю по нескольким магазинчикам по пути на парковку.

– О, подожди. – Я тащу его к киоску с солнцезащитными очками.

– Тебе нужны новые очки? – нахмурившись, спрашивает он.

– Э-э... да, – вру я. Я не знаю, что заставляет меня врать и не признаваться, что я выбираю их для нового соседа, но стараюсь не думать о причинах, толкнувших меня на это.

Я беру пару мужских моделей и осматриваю их, после чего кладу обратно и беру другие.

– Это мужские, – подсказывает он.

– Знаю. Они нужны мне для бега, я хочу что-нибудь более спортивное.

Еще одна ложь. Меньше чем за минуту я дважды солгала своему парню. Я ужасная девушка. Но я знаю, что если я объясню, он увидит в этом то, чего там нет.

Я покупаю очки, и мы прощаемся на парковке. Я еду обратно в город в антикварный магазин и то и дело поглядываю на сумку из киоска с солнцезащитными очками. Я не смогла

устоять, особенно после того, как Тайер подарил мне перцовый баллончик. Я не уверена, что ему этот жест покажется таким же забавным, как мне, но я на этом не зацикливаюсь. Я считаю, что это забавно, и только это важно.

Я паркуюсь, иду в магазин и вижу маму. Она болтает с Тельмой о распродаже выпечки. Тельма бросает взгляд в мою сторону и закуривает, а я пытаюсь скрыть отвращение.

– О, превосходно, вот и она. Та девушка, которую я искала. – *О, нет.* – Я предложила тебя в качестве волонтера в одном из игровых стендов на распродаже выпечки.

Там тоже бывают игровые стенды?

– Правда?

– Я знала, что ты согласишься, поэтому не увидела в этом ничего особенного.

Через плечо Тельмы я вижу, как мама смеется и качает головой. Она знает, что я бы никогда не согласилась. Тельма это тоже знает.

– Конечно, – говорю я, ведь спорить бессмысленно. – Не могу дождаться.

Тельма самодовольно кивает.

– Хорошая девочка.

Почему я чувствую себя так, словно меня только что словесно погладили по головке? Мама продолжает тихо смеяться и что-то говорит, чтобы переключить внимание Тельмы на себя. Благослови ее Господь. Я бегу в заднюю кладовую и ставлю сумку. Подождав несколько минут, высовываю го-

лову.

– Она ушла.

– О, слава богу.

Мама берет свою сумочку и перекидывает через плечо.

– Марси Хилл заедет за буфетом, который стоит впереди.

После того, как ее муж вернется домой на своем фургоне. В остальном просто присмотри за лавочкой.

– Ладно. – Я подхожу к высоченному стеллажу от пола до потолка, на котором хранится большинство моих свечей, и поправляю их.

– Увидимся за ужином.

– До скорого! – кричу я ей вслед.

Я даже не упомянула о том, что Тайер попросил меня немного поработать для него няней. И даже не знаю, почему я ей об этом не сказала. На самом деле я сомневаюсь, что она вообще знакома с нашим новым соседом.

Глава шестая

– Разве это не весело? – Лорен ведет меня в свой подвал, Калэб следует за мной.

– Я не знала, что веселье уже началось.

Лорен игриво шлепает меня, когда мы сворачиваем за угол к домашнему кинотеатру, утроенному в ее отремонтированном подвале. Здесь есть экран с проектором, ящик с чипсами, палочками, орешками и конфетами и даже работающий аппарат для попкорна.

– Веселье всегда начинается, как только ты видишь меня, – язвит она и для большего эффекта драматично перекидывает волосы через плечо.

– Привет, чувак. – Калэб приветствует кулаком Доусона, фаворита Лорен на эту неделю.

Парней у нее нет. У нее есть свидания. Долгосрочная перспектива не для всех, особенно в нашем возрасте, и это нормально.

– Какой фильм посмотрим? – Я следую за Лорен к огромной стопке DVD-дисков, принадлежащих ее отцу.

– Ярываюсь между ними. – Она предлагает три варианта.

– Вот этот. – Я указываю на «Телохранителя киллера». – Там экшн для парней и Райан Рейнольдс для нас.

Она щелкает пальцами.

– Мне нравится ход твоих мыслей.

Она ставит фильм и кладет немного попкорна.

Мы вчетвером устраиваемся в центре комнаты на гигантских мягких креслах, похожих на мешки с фасолью, по двое в каждом. Кaleb обнимает меня и берет горсть попкорна.

– Ты в порядке? – шепчет он мне на ухо. – Выглядишь напряженной.

Я сжимаю губы и пытаюсь придумать оправдание. Я рада, что он здесь, но мне не нравится, что он солгал своей маме, чтобы иметь возможность сюда прийти. Он не должен лгать ей для того, чтобы увидеть меня. Это как-то неправильно. Я всегда считала, что нравлюсь ей, но теперь она, похоже, пытается заполнить его время своими делами, так что на меня у него времени не остается. Мне не нравится, что это заставляет меня чувствовать себя обделенной.

– Я в порядке, – вру я, не желая развивать эту тему. – Просто рада, что ты здесь. – По крайней мере, это – правда.

– Тише, голубки, – шепчет Лорен.

Кaleb хихикает и зарывается лицом в изгиб моей шеи. Он запечатлевает там поцелуй, и я расслабляюсь и делаю все, чтобы избавиться от напряжения в теле. Я хочу насладиться тем временем, которое у нас остается до конца лета. Я знаю, что оно пролетит незаметно.

Я прижимаюсь к Калебу и стараюсь сосредоточиться на фильме, но мои веки тяжелеют (возможно, сон подсказывает, что в данный момент я чувствую себя в безопасности) и

я вырубаюсь.

Я просыпаюсь от тряски. Калёб несет меня из дома Лорен к своей машине.

– Я сама пойду, – сонно бормочу я.

Его грудь возле моего уха сотрясается от смеха.

– Нет уж, детка. Ты легкая, как пушинка.

– Я открою дверцу. – Голос Лорен совсем рядом, и я слышу радостное пиканье внедорожника Калёба. Автомобиль совершенно новый, подарок его родителей на выпускной.

Он усаживает меня на пассажирское сиденье и пристегивает ремнем безопасности.

– Прости, что я заснула.

Калёб заводит машину.

– Детка, все в порядке. Видимо, тебе нужно было поспать.

Он понятия не имеет, насколько сильно мне нужно поспать. Это становится еще более очевидным, когда я снова засыпаю в дороге и просыпаюсь, когда Калёб нежно вытаскивает меня из машины и возвращает в свои объятия.

– Я худшая подруга на свете, – бормочу я, уткнувшись лицом в его шею.

Он тихо смеется.

– Нет, это не так.

– Нет, так.

– Эй! – раздается неподалеку резкий голос. – Что, черт возьми, здесь происходит?

О, нет. Я знаю этот голос.

– Э-э ... вы кто такой? – спрашивает Калевб.

– Сосед, – отвечает Тайер. – Что с ней не так? Ты ведь не накачал ее наркотиками? Если так, я надеру тебе задницу.

– Что? – У Калеба от неожиданности захватывает дух. –

Вы издеваетесь? Нет!

– Это законный вопрос. Она потеряла сознание в твоих объятиях.

– Тайер, – мычу я. – Я просто хочу спать. И все.

– Ты знаешь этого придурка? – Калевб смотрит на меня, повисшую в его объятиях.

– Сосед, помнишь? – вмешивается Тайер.

– Я не с тобой разговариваю. – Я никогда не слышала в голосе Калеба такой злости, хотя уверена, что чувствовала бы примерно то же, если бы меня обвинили в том, что я кого-то накачала наркотиками.

– Ты в порядке?

Мне требуется время, чтобы понять, что Тайер обращается ко мне.

– Да. Просто устала. Не беспокойся. Калевб – мой парень.

– Еще больше причин для беспокойства. – Тайер сердито смотрит на Калеба, пока я изо всех сил пытаюсь не закрывать глаза.

– Тайер, – снова мычу я.

– Ладно. – Наконец он позволяет нам пройти.

Калевб продолжает нежно меня обнимать, убаюкивая на

своих руках.

– Твой новый сосед – гребаный псих.

Не могу сказать, что я согласна или не согласна. Тайер – это... ну, *Тайер*. Я это уже успела понять.

Мама открывает дверь, и Кaleb наконец отпускает меня, целует на ночь и уезжает. Я заползаю вверх по лестнице, быстро принимаю душ и ныряю в постель.

Но так легко, как я уснула в объятиях Калеба, в своей кровати мне не уснуть.

Я не удивляюсь, увидев Тайера на улице, когда выхожу на пробежку. Мне следовало бы на него разозлиться, и я и правда на него сержусь, но понимаю, что он искренне встревожился, когда увидел, как из машины выгружают безвольное тело подростка.

Я подхожу к нему, зажав в руке футляр с солнцезащитными очками. Он сидит на ступеньках своего крыльца, ест гамбургер и потягивает кофе. Услышав мои шаги, поднимает взгляд.

– Хорошо выспалась?

– Нет, – фыркаю я.

– Хм, – мычит он и вгрызается в бургер.

Я понимаю, что обсуждать прошлую ночь мы не будем. Ну и отлично. Я не из тех, кто любит конфронтацию.

– У меня для тебя кое-что есть.

Он выгибает темную бровь.

– Вот как?

Тайер – человек немногословный.

– Да. – Я протягиваю футляр, стараясь не улыбаться от удовольствия.

Он вытирает руки салфеткой и берет футляр. И улыбается уголками губ еще до того, как откидывает крышку. Достав солнцезащитные очки, он водружает их на нос и наклоняет голову ко мне.

– Как я выгляжу?

Соблазнительно.

От этой мысли по спине пробегает холодок.

– Отлично... ты... Они великолепны.

Он посмеивается и снимает очки. На улице еще темно, и надевать их нет необходимости.

– Спасибо. Тебе не следовало этого делать.

– Тебе тоже не нужно было дарить мне перцовый баллончик. – Я указываю на прикрепленный к шортам баллон.

– Это для твоей безопасности, – возражает он и возвращается к своему завтраку.

– Как и очки.

Он борется с улыбкой – я не понимаю, почему он с ней борется вместо того, чтобы позволить ей сиять. Что он имеет против улыбки?

– В чем-то ты прав.

– Конечно, прав.

Он качает головой.

– Приятной пробежки, Салем.

– Спасибо. – Я отворачиваюсь, уже разогретая и готовая бежать. – Кстати, Тайер? – Я оглядываюсь через плечо на мужчину, который слишком красив.

– Да?

– Не угрожай моему парню.

Глава седьмая

Июль приносит такую жару, какой наш городок не видел несколько лет, и кажется, будто все навалилось одновременно.

На улице припаркован грузовик для переезда, из него выгружается мебель и заносится в дом Тайера. Сидя на крыше, подтянув колени к груди, я наблюдаю, как они перетаскивают все, от дивана до детской кровати. Нужно будет напомнить ему про няню, потому что у меня появилось свободное время, а дополнительный доход не помешает.

Продажа выпечки состоится в эти выходные, но, к сожалению, я не смогу заработать, обслуживая стенд, на который меня пригласила Тельма.

Тайер с успехом привел свой дом в порядок. Результат налицо, по крайней мере, снаружи. Что творится внутри, я не знаю, так как он меня к себе не приглашал. Да и зачем ему это?

Бассейн искрится и сверкает чистотой, кусты и цветы выглядят ухоженными, а когда-то неровный газон теперь густой и пышный.

У Тайера есть садоводческая жилка, это очевидно. Его сынишка резво носится по двору. Он здесь впервые. Тайер никогда не упоминал о своей бывшей или о ситуации с сыном. Но я не дура и вижу, что у них все сложно.

Я знаю, что мне следовало бы заползти обратно в комнату и перестать «шпионить», но я ничего не могу с собой поделать. Любопытство берет верх, поэтому я сижу на крыше долго, до тех пор, пока не становится нестерпимо жарко. Кроме того, мама скоро вернется, и я не могу допустить, чтобы она застучала меня на крыше. Она никогда этого не говорила, но я почти уверена, что она опасается, как бы я не прыгнула. Я не склонна к самоубийству, а даже если бы и была, падения с крыши не хватило бы, чтобы убиться. Сломать несколько ребер? Без проблем. Погибнуть? Маловероятно.

Когда мама возвращается домой, мы начинаем выпекать кексы с таким расчетом, чтобы нам хватило на все выходные. Свою лавочку она сегодня не открывала и целый день развешивала объявления и разговаривала с местными жителями, чтобы уведомить всех о распродаже выпечки. Можно подумать, они не слышали о ней от назойливой Тельмы.

– Большое спасибо за помощь, – говорит мама, когда я достаю из духовки последнюю партию кексов. В итоге мы добавили к более редким и необычным несколько популярных вкусов. Печенье со сливками, ваниль и красный бархат.

– Мне нетрудно, мам.

– Тем не менее я это ценю. Наверняка ты предпочла бы провести время с Калобом или Лорен.

– Мне нравится заниматься с тобой выпечкой.

Она улыбается и притягивает меня в свои объятия.

– Я тебя люблю.

Боковая дверь на кухню открывается, и входит Джорджия.

– О, неужто я пропустила праздник любви? – Мама смеется и протягивает руку, чтобы добавить Джорджию в наши объятия. – Разве я могу устоять? – Джорджия ставит сумку и присоединяется к нам. Я морщусь нос от запаха антисептика, прилипшего к ее волосам и коже.

– Иди прими душ, – говорит ей мама, – и начнем готовить ужин.

Джорджия прищуривается.

– Это твой способ вежливо намекнуть, что от меня воняет?

Мама пожимает плечами и усмехается.

– От тебя пахнет больницей.

Джорджия вздыхает и наклоняется за сумкой.

– Что готовите?

Мы с мамой переглядываемся.

– Еще не определились, – отвечаю я.

Джорджия издает тихий смешок.

– Хорошо, вы тут пока разбирайтесь, а я... постараюсь не вонять, когда вернусь. – Мгновение спустя ее шаги раздаются на лестнице.

Пока мама готовит кексы для заморозки, чтобы мы могли потом их разморозить, я роюсь в холодильнике в поисках чего-нибудь, из чего можно состряпать ужин. В итоге останавливаюсь на салате и запеченной курице с лимоном. Легкий, непринужденный, безошибочный вариант.

Когда к нам спускается Джорджия, ее волосы мокрые после душа, на ней хлопчатобумажные шорты и большая дырявая рубашка, которая, как я знаю, принадлежит Майклу.

– Пахнет потрясающе. Вам помочь? – Она собирает волосы и закрепляет их на затылке резинкой.

– Можешь поставить чесночный хлеб в духовку, – предлагаю я.

Мы накрываем на стол и садимся ужинать.

Иногда, когда я наслаждаюсь мирным времяпрепровождением в компании мамы и сестры, я не могу не думать о том, что прежде таких моментов у нас не было. Мы ходили по острию бритвы, жили в страхе перед очередной вспышкой гнева или чего похуже. Теперь нам больше не нужно об этом беспокоиться, но шрамы остались. Они никуда не денутся. Они врезались слишком глубоко, чтобы исчезнуть полностью.

По другую сторону мы оказались благодаря простому повороту судьбы.

Другим в нашей ситуации повезло меньше, и это то, о чем я никогда не забываю.

Глава восьмая

Майка прилипает к груди, тело покрыто потом. Несмотря на тень от тента и маленький портативный вентилятор на столе, я изнываю от жары. Вместо работы на игровом стенде Тельма заставила меня делать аквагрим.

Я? Аквагрим?!

Я уж не знаю, что пила Тельма, чтобы решить, что для меня это идеальное занятие. Художественной жилки во мне точно нет.

– Кто я? – Маленькая девочка с недоумением смотрит в ручное зеркальце, которое я ей протягиваю.

– Я... эм... – *Разве это не очевидно?* – Бабочка.

– О! Круто! – Шурша платьишком, она упархивает прочь. Ее мама сует в банку для пожертвований несколько долларовых купюр и мчится за дочкой.

Я подзываю следующего ребенка, мальчика с копной рыжих волос и веснушчатым носом.

– Хочу быть львом! – гордо заявляет он и указывает на грудь.

Я поворачиваюсь к краскам и вздыхаю.

– Сделаю все, что в моих силах, малыш.

Я бы предпочла быть сейчас с мамой и торговать кексами, но *нет*, мама досталась Джорджии. Клянусь, у Тельмы ко мне какая-то странная старушечья неприязнь.

Я окунаю кисть в краску и делаю все возможное, чтобы этот ребенок стал похож на льва. Все это время я веду светскую беседу и учтиво улыбаюсь. Дети замечательные, правда, они милые и пришли сюда повеселиться. Просто меня раздражает, что меня втянули в это дело, не проявив любезности и не *спросив*. Если бы Тельма меня спросила, я бы ответила «да», но она даже не поинтересовалась моим мнением, и я считаю ее выходку грубой.

Вся эта канитель продолжается, и нет ей ни конца, ни края.

Один ребенок хочет быть змеей, другой единорогом, третий человеком-пауком, четвертый планетой. Несмотря на отсутствие у меня художественных способностей, я из кожи вон лезу, чтобы удовлетворить каждую просьбу.

Маленький мальчик подскакивает ко мне и прыгает, как маленький кенгуру.

– Привет. – У него высокий и бодрый голос. – Я Форрест, как...

– Лес?

– Да. – Он с энтузиазмом кивает. – Можешь нарисовать на моем лице динозавра?

– Я думала, ты захочешь машинку, – произносит знакомый голос, и на плечо мальчика опускается большая загорелая рука.

– Па-ап, – протягивает Форрест, – я передумал. Имею право.

Тайер улыбается сыну.

– Ладно. Динозавр так динозавр. Как поживаешь, Салем?

– Тебя зовут Салем? – спрашивает малыш, широко распахнув глаза. – Как город, где сожгли всех ведьм?

Я стараюсь не рассмеяться.

– Верно.

– Погоди-ка. – Он делает паузу и задумчиво морщит нос. – Пап, откуда ты ее знаешь? – Он бросает на Тайера нетерпеливый, любопытный взгляд.

– Она моя новая соседка.

– Ух ты, круто! – Форрест, кажется, удовлетворен ответом. – Так можно мне розового динозавра?

– Конечно. – Я макаю кисть в розовую краску и принимаюсь за работу.

– Ты высовываешь язык, когда рисуешь.

– А? – Я поднимаю глаза на звук голоса Тайера и случайно оставляю на щеке ребенка полоску розовой краски. Я беру влажную тряпку и вытираю ее, пока Тайер объясняет:

– Когда ты сосредоточена. Твой язык. Ты его высовываешь.

– Я не знала.

Ему словно хочется сказать что-то еще, но он предпочитает этого не делать. Я заканчиваю с динозавром (откровенно говоря, он похож на гигантский розовый шар, и в нем нет ничего от динозавра), передаю Форресту зеркало, и он радостно улыбается.

– Класс! Спасибо, Салем!

Тайер качает головой, по его лицу расплывается широкая улыбка. У него белые ровные зубы, но на одном из клыков заметен скол. Это даже очаровательно. Он кладет в банку двадцатку, и я благодарно улыбаюсь.

– Обязательно зайди в мамин киоск. Там кексы.

Его карие глаза загораются.

– Люблю кексы. Хорошего дня, Салем.

– И тебе.

Я смотрю, как он уходит, разговаривая с сыном, и вижу направляющегося ко мне Калеба. Я не думала, что он найдет возможность отойти от стенда своей семьи, где продаются пироги и что-то еще. В его руках две банки газировки, и при виде их я с облегчением вздыхаю. Калев пристально наблюдает за Тайером.

– Что здесь делает твой соседка? – В его голосе слышна издевка, и я даже не могу его за это винить, ведь Тайер заподозрил, что он накачал меня наркотиками.

Он передает мне банку диетической колы и выдвигает из-под стола пластиковый складной стул, пока я приглашаю к себе следующего ребенка.

– Это же распродажа выпечки, она проводится в центре города и открыта для всех желающих. – Я даю ему время на размышления, а потом добавляю: – Его синишка захотел раскрасить себе лицо.

Он делает глоток обычной кока-колы. Заметив, что я

слишком занята, чтобы открыть крышку на своей банке, он протягивает руку и открывает ее для меня. Газировка бурно шипит.

– Спасибо.

– Не знаю, почему, но этот парень мне не нравится, – продолжает Калев, пока я выполняю следующий заказ на единорога. У него странное выражение лица, нечто среднее между замешательством и отвращением. – Он какой-то... чудной.

– Не уверена, что он чудной. Может, скорее угрюмый? Да, скорее так.

– И это тоже.

– Как дела на стенде твоей мамы?

– Почти все раскуплено.

Я не удивлена. Его мама печет лучшие пироги в округе.

– Ты купил для меня пирог с арахисовым маслом?

Он усмехается.

– Да, детка. Сразу его убери.

– Спасибо. Я бы тебя поцеловала, если бы не была так занята. – Я покачиваю кистью. – Ты не видел Лорен?

– Видел. Она в будке для метания колец. А я-то думал, что это распродажа выпечки. Откуда тогда все эти случайные киоски?

Я бросаю на него взгляд.

– С каких пор все, что делает Тельма, имеет логический смысл?

– Хорошее замечание. – Он проводит рукой по волосам.

Они стали еще светлее, выгорели на солнце, которое он сполна получает этим летом, а его кожа покрылась темным загаром.

До его отъезда в Гарвард остаются считанные *недели*, из них одну неделю он проведет в отпуске со своей семьей. Мое сердце больно щемит. Даже если я не хочу поступать в колледж или переезжать в Бостон, это не означает, что я не буду по нему скучать.

Время – это драгоценное сокровище, его количество ограничено, и его *так* легко растратить.

Я раскрашиваю еще нескольких детей, и очередь, к счастью, начинает сокращаться.

– Умираю с голоду. Ты не принесешь мне поесть? У меня в бумажнике есть наличные. – Я киваю на свою сумку. Она висит на спинке стула, на котором он сидит.

– Мне не нужны твои деньги, детка. У меня есть свои. – Он допивает газировку и встает. – Я на минутку.

Он уходит, и я спиной ощущаю чье-то присутствие. Решив, что это он вошел в палатку сзади меня, я оборачиваюсь и произношу:

– Вау! Быстро же ты обернулся!

Но за моей спиной не Калев. А Тайер. Его сын стоит рядом и держит бумажный пакет с мамиными кексами. Я это точно знаю, потому что вчера вечером битый час наклеивала на них эмблемы с логотипом антикварного магазина. *Бесплатная реклама*, сказала мама.

– Вы вернулись? – Я всматриваюсь в лицо Форреста, чтобы увидеть, не размазалась ли моя чудовищная картинка с динозавром или не случилось ли с ней чего-нибудь еще, но нет, она такой же странной формы, что и раньше.

– Мы тебе кое-что принесли. – Тайер лезет в пакет и достает коробочку с кексом. – Ты сказала, что тебе больше всего нравятся кексы из песочного теста, верно?

Поверить не могу, что он запомнил.

– Да. – Я беру коробку.

– Вот, решил, что тебе пора перекусить.

– Спасибо. – Я и правда ему безмерно благодарна. Продуманный поступок с его стороны.

Он опускает голову в знак признательности и выводит Форреста из палатки.

Через несколько минут возвращается Калев с целой коробкой лакомств. Его глаза сужаются, когда он смотрит на кекс, который я еще не съела.

– Откуда здесь кекс?

– Мама. – Эта ложь слетает с моих губ еще до того, как я принимаю совестливое решение солгать о появлении кекса. – Она вдруг подумала, что я проголодалась.

Заметил ли он, как дрожит мой голос? Почему я так нервничаю?!

Он озирается по сторонам и снова смотрит на коробку. Он сглатывает, и его глаза встречаются с моими. Он мне не верит.

– Ясно. – Он ставит коробку на стол. – Пойду помогу своей маме.

– Кaleb! – кричу я ему вслед, но он не оборачивается и исчезает в толпе.

Вот дерьмо.

Глава девятая

Снова сидя на крыше и любуясь закатом, я замечаю, как на улицу сворачивает незнакомая машина и останавливается перед домом Тайера. Я перевожу взгляд с необыкновенной красоты вечернего солнца на женщину, которая вылезает из внедорожника. Подружка? Бывшая?

С такого расстояния я вижу только, что она худая (тонкая и гибкая, как тростинка) и что у нее темно-каштановые волосы. Она направляется к двери, но не успевает дойти до крыльца, как дверь распаивается, и ей навстречу, распахнув объятия, выбегает Форрест.

– Мамочка!

Вот и ответ на мой вопрос.

Она садится на корточки, обнимает мальчика и крепко прижимает к себе. Он отпускает ее и мчится обратно в дом, зовет отца. Я наблюдаю, как она в нерешительности стоит на улице, и вскоре появляется Тайер. Он босой, в шортах и простой хлопчатобумажной футболке. Он ставит на землю у своих ног маленькую сумку и скрещивает руки на груди. Он что-то говорит своей бывшей, его губы быстро шевелятся, а затем снова появляется Форрест с плюшевым мишкой под мышкой. Мишка каштановый, с красной ленточкой на шее.

Взрослые разговаривают в течение нескольких минут, и если судить по языку их жестов и телодвижений, они слег-

ка разгорячены. Наконец она берет Форреста за руку и ведет его к своей машине, припаркованной у обочины. Тайер следует за ними с сумкой и кладет ее в багажник. Присев на корточки, он обнимает заплаканного Форреста и помогает ему забраться в машину. Потом захлопывает дверцу, поворачивается к своей бывшей, и они обмениваются еще парой фраз. Он возвращается у дому по дорожке, останавливается, машет Форресту, и автомобиль отъезжает.

– Пока, пап! – Форрест кричит в окно и машет маленькой ручкой. – Люблю тебя.

– Люблю тебя, приятель! – кричит в ответ Тайер и смотрит вслед машине. Когда она скрывается из вида, он печально опускает голову и плечи. Потом разворачивается, чтобы вернуться в дом, но останавливается и скидывает голову. Его глаза встречаются с моими, и мое сердце подпрыгивает оттого, что меня застучали. Он пристально смотрит на меня, а потом заходит на наш двор.

– Что ты там делаешь, Салем? – Его руки скользят в карманы, и он раскачивается на босых пятках.

– Любовалась закатом.

– Любовалась... – повторяет он. – Что же тебя отвлекло?

– Мой сосед. – Он смотрит налево, где находится его дом, и поджимает губы. – Вы ссорились. – Его губы судорожно дергаются.

– Как думаешь, почему мы развелись?

Яжимаю плечами, обхватываю ноги руками и кладу

подбородок на колени.

– Не смогли решить, какие кексы вкуснее?

Широкая улыбка растягивает его губы, и я чувствую, что одержала своего рода победу.

– Да. Обычно именно это создает или разрушает брак.

Разные мнения по поводу вкуса кекса.

– Никогда не знаешь.

– Хм, – мычит он и склоняет голову набок. – Ты там часто зависаешь?

– Да.

– Почему? – Вопрос задан низким протяжным тоном.

– Потому что нравится.

– А твоя мама разрешает?

Я подавляю желание закатить глаза. Я знаю, что это будет выглядеть незрело и никак не поможет мне выиграть спор.

– Мне восемнадцать.

– И ты живешь с мамой, – уточняет он.

– Ей это не нравится, – признаю я, полагая, что он не успокоится, пока я не расскажу ему больше. – Но здесь я... свободна.

Боже, из моих уст это звучит так глупо, но именно это я и чувствую.

– Свободна. Как птица? Мне стоит беспокоиться о том, что ты попытаешься взлететь с крыши?

– Нет.

– Вот и славно. – Он смотрит на свой дом и делает шаг

назад. – Можете пользоваться бассейном в любое время, когда захотите. Ты и твоя сестра.

– Ты знаком с моей сестрой?

Он приостанавливает свое отступление, его лицо морщится.

– Да.

– Ты как-то странно об этом говоришь, – замечаю я.

Он проводит рукой по заросшей щетиной челюсти.

– Она кричала на меня через забор, когда я пропалывал клумбы.

О, господи. Джорджия могла наговорить ему все что угодно.

– Что она сказала?

– Сначала она сказала, что у меня «классная задница», а потом спросила, свободен ли я.

– Типичная Джорджия. – Я пытаюсь не рассмеяться. – У нее есть парень.

Он выгибает бровь.

– Пытаешься меня предупредить?

Я бледнею, понимая, что это *так и есть*, потому что мысль о том, что Тайер и моя сестра вместе мне не нравится. Ни капельки.

– Нет, – говорю я, но без особой уверенности.

Я вдруг чувствую, что я встревожена, измотана, *смущена*. Взгляд Тайера опускается на нашу подъездную дорожку, потом на его босые пальцы.

– Насчет няни...

– Да? – Я хватаюсь за соломинку, за шанс сменить тему и отвлечься от мысли о том, почему меня, собственно говоря, беспокоит, что моя сестра флиртует с Тайером.

– Тебе интересно?

– До тех пор, пока это не мешает моей работе в «Бурном прошлом».

Он кивает, как будто именно это и ожидал услышать.

– Мы что-нибудь придумаем.

Не дожидаясь ответа, он поворачивается ко мне спиной и возвращается в свой дом, ни разу не оглянувшись.

Глава десятая

Я перекидываю через плечо сумку, набитую закусками, бутылками с водой, диетической колой, купальником и другими мелочами, и отправляюсь в короткий поход в соседний дом, чтобы в первый раз остаться присматривать за Форрестом. Когда я сказала маме, что Тайер спросил, не могу ли я изредка сидеть с его сыном, она сочла эту идею отличной. Для меня это новый опыт и дополнительные деньги, которые я могу отложить на будущее.

Крыльцо свежеразкрашено, белый цвет такой яркий, что почти ослепляет. Откинув голову, я замечаю, что потолок веранды он выкрасил в светло-голубой. Гм-м, интересно.

Я жму на звонок и жду. Я слышу быстрые шаги и гул голосов. Кто-то бежит к двери.

Она распаивается, и я вижу Тайера. Он стоит, опустив ладонь на плечо сына и словно пытаюсь удержать мальчика, который взволнованно подпрыгивает на месте.

– Привет, Форрест. – Я улыбаюсь ребенку, глядя на него сверху вниз. На его губах что-то засохло, может быть, сироп с завтрака.

– Спасибо тебе, что согласилась. – Тайер уже готов поскорее выскочить за дверь. – У меня большой проект, и я... – Он смотрит вниз на сына. – Брать его с собой нелегко.

– У моего папы фирма по ландшафтному дизайну. Да,

пап? – Сын смотрит на отца, ожидая подтверждения.

– Да.

– О! – Я смотрю на его фургон, который теперь припаркован на подъездной дорожке. – «Ландшафтный дизайн Холмса», – читаю я вслух. – Это ваша фамилия?

– «Ландшафтный дизайн Тайера» красиво звучит, – непринужденно замечает он, потирая челюсть. Я бросаю на него взгляд, и он хихикает. – Да, Холмс – моя фамилия.

– Интересно, – размышляю я, покачиваясь на пятках, и указываю мимо него. – Ты пригласишь меня войти?

– О. – Он быстро качает головой. – Извини, да. – Он отходит в сторону, мягко увлекая Форреста за собой.

Я захожу в холл. Над стенами, выкрашенными в приглушенный серый цвет, витает запах свежей краски. Пол недавно отремонтирован, а на лестнице бежевая дорожка. Вот, собственно, и все. Никаких фотографий. Никакой индивидуальности. Чистый лист. Но я думаю, что работа над домом еще не завершена. Позже еще будет время добавить к нему какие-нибудь детали.

– Я отлучусь всего на пару часов, максимум на три, – предупреждает Тайер и ведет меня на кухню мимо помещения, которое, как я предполагаю, будет столовой, а пока выглядит как импровизированный склад.

– Ого! – И это «ого» тоже не с очень хорошим оттенком. Здесь отсутствует *всё*: бытовая техника, шкафы, столешница. У стены стоит стол с микроволновой печью и тостером.

– Мой папа... как ты это назвал, папа? – Форрест вопро- сительно поднимает глаза на отца.

– Делал ремонт, – глядя на меня, произносит Тайер. – Я больше не мог откладывать переезд, договор аренды на квар- тиру истек, но многие вещи я уже заказал, их скоро приве- зут. Например... – Он машет рукой в сторону пустой кухни.

– Шкафчики? – Уголки моих губ ползут вверх.

– И они, и бытовая техника, и все остальное. А пока я успею переделать полы.

Я замечаю на полу несколько плиток, как будто он выби- рает между разными вариантами.

– Полы бывают и деревянные, – замечаю я.

– Мм-м, может быть, – задумчиво тянет он. – Как бы то ни было, мне пора. У тебя есть мой номер, звони, если нуж- но. Можете поплавать в бассейне, только не спускай с него глаз.

– Обещаю. Не волнуйся, у меня все под контролем.

Его взгляд скользит по мне, а затем по сыну. Покорно вздохнув, он кивает.

– Ну, до скорого! – Он присаживается на корточки, рас- крывает объятия, и Форрест радостно бежит к нему. – Люб- лю тебя, приятель.

– Я тоже тебя люблю, папочка.

Мое сердце сейчас растает.

Тайер уходит, входная дверь закрывается с тихим щелч- ком.

– Ну, – я смотрю на Форреста, – чем ты хочешь заняться?

Вода в бассейне на удивление теплая, и я задаюсь вопросом, не подогрел ли его Тайер. Форрест в сотый раз вылезает из воды и падает обратно бомбочкой рядом со мной. По моему, ему нравится меня обрызгивать.

– Сколько баллов за этот прыжок? – Он задирает свою маленькую голову, очки сползают с носа. Он их снимает, и вокруг глаз и на переносице остается отпечаток. Он их протирает, надевает обратно и собирается снова прыгать.

– Одиннадцать из десяти.

Он морщит нос.

– Нельзя получить одиннадцать баллов из десяти. Это невозможно. Это ведь из *десяти*, так что максимум, что ты можешь получить, это десять.

– Ты меня поймал! – Я быстро подмечаю, что Форрест умный (возможно, я мало общалась с шестилетними детьми и не в курсе, что они все такие). – Тогда десять из десяти. – Я поднимаю все свои пальцы и шевелю ими.

– Так-то лучше, – кивает он.

Он собирается прыгнуть, но спотыкается, едва не плюхается животом в воду, но я вовремя его ловлю.

– Ой, – я осторожно его отпускаю, – осторожнее!

– Прости, – смущенно бормочет он и дергает ногами. – Папа говорит, что я бесстрашный.

– Думаю, я с ним соглашусь.

Форрест сияет так, словно это повод для гордости.

– Если тебя зовут Салем, то какое у тебя второе имя?

– Грейс.

– Грейс, – смеется он. – Совсем не подходит к Салем.

– Так и есть, – соглашаюсь я и плыву задом. – А какое у тебя второе имя?

– Ксавье.

Неожиданно.

– Классное имя.

– Похоже на имя супергероя, мне оно тоже нравится. – Он лежит на спине и смотрит в небо. Смех сотрясает его грудь. – Это облако похоже на кота, вылизывающего себе зад.

Я поднимаю глаза, но не вижу того, что видит он.

– Ты прав. – Я опускаю голову, пока она у меня не закружилась, и добавляю: – У меня есть кот.

– У тебя есть кот? – Сияя, он подплывает ко мне. – Какой?

– Черный. Его зовут Бинкс.

– Можно на него посмотреть? Я хочу собаку, но мама говорит, что они грязные, а папа всегда говорит: может быть, когда-нибудь. По-моему, это просто родительский способ сказать «никогда».

Меня безмерно забавляет этот парень.

– Кто знает. Мы не в силах предсказать будущее. И конеч-

но, ты можешь встретиться с ним в любое время.

– Как он у тебя появился?

Я делаю паузу, вспоминая, как наткнулась на Бинкса в том переулке.

– Он как будто сам меня нашел. – Я вижу, что это объяснение ему непонятно. – Кто-то бросил его в переулке за маминим магазином.

– Ух ты! – Его глаза расширяются. – У твоей мамы свой магазин? Круто!

– Да, наверное.

– Что за магазин? – Он опускает голову под воду, а потом выныривает и смахивает с лица волосы.

– Антикварная лавочка.

– Антикварная? – Он запинается, произнося это слово.

– Да, старая мебель и всякая всячина.

– О, это скучота.

Я не могу удержаться и хохочу.

– А ты думал, какой у нее магазин?

Он пожимает маленькими плечиками.

– Ну, не знаю. Магазин игрушек.

– Было бы круто.

– Наверное, когда вырасту, у меня будет магазин игрушек.

Я улыбаюсь. Не ребенок, а сплошное очарование.

– Ты можешь сделать все что захочешь.

– Это правда. Может быть, я стану пожарным или буду летать на самолете. Или дрессировать динозавров.

– Возможности безграничны, – уверяю я его.

В этом вся прелесть детства. Дети способны фантазировать о чем угодно и свято верят в то, что сумеют это осуществить. А потом они взрослеют, и окружающий мир радостно разбивает их мечты и возвращает к реальности.

А такой профессии, как дрессировщик динозавров, и во все не существует.

– Я проголодался, – объявляет Форрест и плывет к лестнице из бассейна. – Приготовишь мне обед?

– Конечно. – Я понятия не имею, какие продукты есть у Тайера. Когда мы проходили мимо, я на кухне ничего не заметила, и там нет холодильника, так что...

Мы заворачиваемся в полотенца, и Форрест ведет меня в дом, к небольшому морозильнику, установленному в какой-то боковой комнате. Он пытается поднять крышку, но для его тонких рученок она слишком тяжела. Пока он не поранился, я хватаю крышку и толкаю ее вверх.

Морозильник битком набит полуфабрикатами, которые можно разогреть либо в микроволновой печи, либо в духовке. Что ж, разумно.

Форрест берет что-то вроде детского ужина с куриными наггетсами в форме динозавра.

– Вот это, пожалуйста. – Он сует мне пакет и убегает.

Дом Тайера я еще не исследовала (я любопытна, но не настолько). К тому же, пока дом не доведен до ума, я вряд ли сумею сделать о нем какие-либо глубокие выводы.

Я возвращаюсь на кухню и в микроволновке разогреваю Форресту еду. Я завернута во влажное полотенце, но оно почти не защищает меня от холода кондиционера. Мои волосы мокрые, по спине с них стекает вода.

– Форрест? – зову я, гадая, куда он убежал. – Форрест! – Меня охватывает паника, и я бегу из кухни на улицу, едва не споткнувшись о полотенце. – Форрест! – кричу я, когда вижу его в бассейне, плавающим лицом вниз.

Он подпрыгивает и бросает на меня забавный взгляд.

– Что?!

Мое сердце бьется со скоростью миля в минуту, от ужаса я холодею и не могу сделать ни шага.

– Нельзя спускаться в бассейн без присмотра! – Я почти перехожу на крик. – И уж тем более нельзя, не предупредив меня. – Я прижимаю руку к сердцу в надежде, что оно немного успокоится, но понимаю, что в ближайшее время это вряд ли произойдет.

– Прости, – хмурится он и вот-вот заплачет.

Меня так и подмывает сказать ему, что все в порядке, но я сдерживаюсь. Так поступать нельзя, и я хочу, чтобы он это понял.

– Иди пообедай, а потом мы еще поплаваем.

– Хорошо. – Он говорит тихо, его подбородок дрожит. Он обедает за складным пластиковым столом с набором стульев и старательно отводит взгляд. Я жую яблоко, которое принесла с собой, и потягиваю диетическую колу. Я жду, когда

он сделает первый шаг. Он макает куриный наггетс в кетчуп и откусывает кусок. – Мы расскажем об этом моему папе?

Я изо всех сил сдерживаю улыбку.

– Да, нам придется ему рассказать.

Он опускает голову.

– Он разозлится. Он велел мне этого не делать, но я не думал, что это так важно. – Он оживляется, округляет глаза. Его нос покраснел от солнца, и я мысленно делаю заметку нанести на него побольше солнцезащитного крема перед тем, как мы снова выйдем на улицу. – Я отлично плаваю. Честно.

Смягчив взгляд и голос, я отвечаю:

– Не имеет значения, насколько ты хороший пловец. Несчастье может случиться с каждым.

– Даже с тобой?

– Даже со мной.

– А с моим папой? – Он думает, что поставит меня в тупик.

– И с ним тоже.

– Хм, – мычит он. – Значит, он не такой невидимый, как говорит?

– Невредимый, – поспешно поправляю я. – Я знаю твоего отца недостаточно хорошо, чтобы это подтвердить. Насколько я знаю, он может быть несокрушимым.

В Тайере действительно есть нечто мощное. Форрест кивает.

– У него твердые мышцы.

Я запрокидываю голову и смеюсь. Кажется, я люблю этого ребенка.

Глава одиннадцатая

Я просыпаюсь в холодном поту. К коже все липнет. Бинкс открывает зеленый глаз, делает вывод, что я не умираю, и быстро засыпает снова. Мое сердце бешено колотится в груди от этого кошмара.

Дверь со скрипом отворяется.

Руки на моем теле.

Руки, которые должны были защищать меня, укрывать, вместо этого меня разрушают.

По щекам текут слезы. Это не кошмар, а реальность, мое прошлое. Оно всегда возвращается, вечно меня преследует.

Дрожащие ноги ударяются о деревянный пол, и он протестующе стонет, словно я и его разбудила. Я откидываю с глаз волосы, они влажные.

Задыхаясь от недостатка кислорода, спотыкаясь, я спешу к окну и открываю его. Я знаю, что в таком состоянии мне не следует подниматься на крышу, но мне срочно нужно ощутить на лице воздух. Я на четвереньках выползаю в окно.

Обычно сны (кошмары, воспоминания, называйте их как хотите) не влияют на меня *так* сильно. Вчера я впервые за три месяца сходила к своему психотерапевту, это всколыхнуло кучу дерьма, и, по-видимому, мозг решил атаковать меня в самый уязвимый момент – во время сна.

Я дышу полной грудью, пытаюсь замедлить сердцебиение

и вернуть его к нормальной скорости, но понимаю, что скорее всего у меня не получится.

Отправляться на пробежку слишком рано даже для меня: когда я открыла глаза и взглянула на часы, цифры показывали два часа ночи.

Но я точно знаю, что больше не усну. Что-то шевелится в ночи, и я поворачиваю голову и вижу тлеющий огонек сигареты. Страх пронзает все мое существо. Я вдруг осознаю, что кто-то еще не спит в этот час и может меня заметить, но потом я догадываюсь...

– Тайер, – выдыхаю я.

Сигарета исчезает, и становится так темно, что уже ничего не разглядеть. Я изо дня в день твержу маме, что нужно установить фонарь с датчиком движения, но она и слушать меня не желает.

Тайер внезапно появляется на переднем дворе и смотрит на меня снизу вверх со страхом в глазах. Я знаю, что меня легко принять за сумасшедшую. Стою здесь на четвереньках, с безумным взглядом и прилипшими ко лбу спутанными волосами.

– Какого хрена ты делаешь? – Его руки шарят в воздухе, как будто он думает, что ему придется меня ловить.

– Кошмар, – объясняю я.

– И это навело тебя на мысль: «хм, почему бы мне среди ночи не выбраться на крышу?»

– Я туго соображала. – Мои пальцы впиваются в черепи-

цу.

– Оно и видно, – огрызается он, все еще в панике.

– Хочешь, чтобы я спустилась? – Я ползу вперед.

– Нет! – Он вскрикивает и снова машет руками. – Возвращайся в свою комнату.

– Не хочу, – признаюсь я. – Я не смогу уснуть.

Он хватается за голову, погружает ладони в волосы.

– Ладно. Но спускаться с крыши ты не будешь.

Ему тревожно от одной мысли, что я начну спускаться.

– Я делала это раньше. – Его глаза расширяются от ужаса. *Ой, не надо было этого говорить.* – А почему ты не спишь? – спрашиваю я, пытаюсь отвлечь и себя, и его.

– Слишком много мыслей в голове.

– Так много, что тебе захотелось курить? – спрашиваю я.

Я никогда раньше не видела, чтобы он курил, так что вряд ли это его привычка.

Он вздыхает и потирает подбородок.

– Иногда мне это необходимо. Когда я испытываю сильный стресс. Курение меня успокаивает.

– Интересно. – Моя рука выскальзывает из потной ладони, и Тайер вскрикивает внизу. – Я в порядке. – Я выпрямляюсь.

– Сейчас же спускайся. Ты меня чертовски напрягаешь, а я и так уже встревожен.

– Угрозы на меня не действуют.

– Тогда как насчет сделки?

– Какого рода? – допытываюсь я, склонив голову набок.

Он пожимает плечами.

– Я не могу уснуть. Очевидно, ты тоже не можешь уснуть.

Так что забирайся обратно в комнату и спускайся сюда. Мы просто поговорим или что-нибудь в этом роде. Пожалуйста.

Просто. Уйди с крыши.

Я поджимаю губы, взвешивая его предложение.

– Договорились.

– Слава богу. – Он порывисто выдыхает.

– Но ты жди здесь. – Я предупреждающе тычу в него пальцем.

Он поднимает руку.

– Стою на месте.

Я ползу на четвереньках, разворачиваюсь и тихо залезаю обратно в окно. Я закрываю его и сую ноги в кроссовки.

Крадучись спускаюсь по лестнице, выскальзываю через боковую дверь и бегу вокруг дома туда, где меня ждет Тайер.

Как и обещал, он не сдвинулся с места.

– Я рада, что ты не погибла, забираясь обратно в окно, – язвит он и кивает головой в сторону своего дома, приглашая меня следовать за ним.

Я закатываю глаза и иду рядом.

– Ты драматизируешь. Со мной все было в порядке.

– Ты выглядел так, словно у тебя паническая атака.

Я вздрагиваю. *Так и было.*

– У меня все под контролем.

Он выгибает бровь и открывает калитку на его задний двор.

– Хочешь чего-нибудь попить?

Я притворно ахаю.

– Ты предлагаешь несовершеннолетней девушке алкоголь, Тайер? Как возмутительно с твоей стороны.

Он издает грубый смешок.

– Я сказал *попить* – это включает воду и газировку.

– У тебя есть диетическая кола? – оживляюсь я.

– Да.

– Тогда я буду ее. – Я сажусь на ступени и смотрю на бассейн. Вода мерцает в отражении почти полной луны.

Он выгибает бровь.

– Не хочешь войти?

Я качаю головой.

– Нет, мне нужен свежий воздух.

– Для этого ты вылезла из окна своей спальни в... – он сверяется с часами, – два часа ночи.

Он ждет, что я что-нибудь отвечу, но когда видит, что я не собираюсь этого делать, молча уходит в дом за газировкой. Меньше чем через минуту он возвращается и садится на ступеньку рядом со мной. Его нога касается моей, и по моему позвоночнику пробегает дрожь.

– Вот, – хрипло произносит и протягивает мне бутылку. – Знаешь, от этой штуки у тебя зубы сгниют.

– Тогда почему ты держишь ее в своем доме? – возражаю

я и откручиваю крышку. Содовая шипит, и я делаю глоток.

– Я держу запас всех видов напитков и газировки для своей команды.

– Ах, для твоей команды? Ты еще и футбольный тренер? – подшучиваю над ним я.

– У меня команда по ландшафтному дизайну.

– Как мило с твоей стороны.

– Многие забывают поддерживать водный баланс в своем организме, поэтому я начал брать с собой на работу полный кулер. Я быстро заметил, что большинство из них отказываются употреблять полезные напитки, – говорит он и размывает бутылкой с водой.

– Отлично утоляет жажду, – шучу я и постукиваю своей бутылкой.

Он качает головой и ухмыляется.

– Итак, ты расскажешь мне, что за кошмар заставил тебя выползти из окна второго этажа в столь ранний час?

Я опускаю голову, мои светлые волосы падают, закрывая лицо. Они клейкие от пота, которым я покрылась во сне.

– Нет. – Мой голос звучит тихо. Хрупо. Надтреснуто.

– Не хочешь об этом говорить? – Он не ждет, пока я отвечу. – Ладно, зато честно.

– Выкуришь еще сигарету? – Уж не знаю, что заставляет меня задать этот вопрос.

– Нет, – вздыхает он и проводит пальцами по губам. – Мне и первую не следовало брать. Моя бывшая... – Он осе-

кается и молчит, как будто из страха проговориться. – Скажем так: она как никто другой знает, на какие мои кнопки нажимать.

– Все настолько плохо?

Он потирает подбородок.

– Я не хочу о ней плохо отзываться. У нас были хорошие времена, мы вырастили чудесного ребенка, но иногда люди отдаляются друг от друга, и ты понимаешь, что все, что, по твоему мнению, у тебя было, не более чем красивая ложь.

Я прищуриваюсь в замешательстве.

– Что это значит?

Он качает головой.

– Я вляпался во всю эту историю с манипуляциями, а когда трезво посмотрел на свою жизнь, то понял, что я... несчастлив, а жизнь для этого слишком коротка. Я никогда не думал, что разведусь, и переживал из-за сына, но я решил, что ему лучше расти со счастливыми родителями, которые живут отдельно, чем с несчастными, которые живут вместе.

– Логично, – киваю я. – Как раз это меня и пугает – не быть счастливым. Приспосабливаться. Останавливаться на достигнутом.

– Это происходит так легко! – Он глотает воду, его кадык подрагивает. – Постарайся быть умнее меня. – Он морщится. – Черт, звучит ужасно. Честно говоря, я бы не стал ничего менять. Как я уже говорил, у нас были хорошие времена, и из этого получился потрясающий ребенок. – Он проводит

пальцами по волосам. – Я просто рою для себя яму.

Я смеюсь и легонько тыкаю его локтем:

– Не расстраивайся. Я понимаю, о чем ты.

Между нами повисает тишина, наполняемая только музыкой летних насекомых. Он ударяет коленом о мое.

– И часто это случается?

Я вырываюсь из своих разбегающихся во все стороны мыслей.

– А?

– Ночные кошмары?

Я размашисто киваю.

– Вот почему я мало сплю и совершаю пробежки.

Его губы сжимаются в тонкую линию. Вероятно, он недоумевает, что такого могло произойти с восемнадцатилетней девушкой, чтобы она стала такой. Но он не настаивает и даже полностью уходит от этой темы.

– Я собираюсь установить вокруг бассейна забор. Надеюсь, это поможет предотвратить то, что случилось на днях. – Я вздрагиваю, вспоминая, как обнаружила, что Форрест тайком вернулся в бассейн. – Мне жаль, что он тебя напугал. У меня потом состоялся с ним долгий и серьезный разговор. То есть один раз мы это уже обсуждали, так что кто знает, насколько все изменит наш второй разговор. Но я очень стараюсь. Ему всего шесть, но он думает, что он восемнадцатилетний подросток и может делать все что захочет.

Я смеюсь.

– Он у тебя замечательный.

– Так и есть, – кивает Тайер. – Не знаю, как благодарить тебя за то, что ты иногда с ним остаешься. Мне нравится проводить с ним время, и я стараюсь бывать с ним как можно чаще, но иногда...

Я толкаю его колено своим.

– Ты родитель, но другие обязательства у тебя никто не отнимал. Это не значит, что ты меньше его любишь.

Он в ответ ударяет своим коленом по моему.

– Попробуй-ка вернуться в постель.

– Хорошо. – Я тяжело вздыхаю. – Но я не усну. – Он бросает на меня сочувственный взгляд. – Все в порядке, – отмахиваюсь я от его беспокойства, – я привыкла.

– Ты когда-нибудь пила снотворное?

Я смотрю вдаль, за забор вокруг его двора. За ним – поле диких луговых цветов, которое простирается примерно на акр, после чего упирается в лес. Это охраняемая природно-историческая территория, именно поэтому она никогда не застраивалась (а может, потому, что это земля с привидениями), но на нее приятно смотреть.

– В прошлом – да, – неохотно признаю я, – но я терпеть не могу эти ощущения. Настолько, что предпочитаю валяться без сна. – По его лицу пробегает тень сочувствия. – Все в порядке, – машинально произношу я.

Его глаза сужаются.

– Нет, – он резко качает головой и хмурит брови, – не в

порядке.

Я ставлю недопитую диетическую колу рядом с собой, протираю руки о ноги и встаю.

– Ты прав. Мне пора домой.

– Знаешь, – говорит он, прежде чем я делаю шаг, – вот это точно не решит твои проблемы со сном. – Он слегка встряхивает бутылку.

– Кофеин меня не бодрит.

Он не останавливает меня, когда я ухожу, но я чувствую, что он провожает меня взглядом.

Глава двенадцатая

Дома я больше не уснула. Как могла я прибралась в комнате, пока остальные спали, и отправилась на пробежку. Я не знаю, видел ли Тайер, как я выходила, но когда я вернулась, он собирался на работу и садился в свой фургон. Его глаза пристально следили за мной. Я чувствую, что он беспокоится о том, что я мало сплю. Меня это тоже беспокоит, но я ненавижу снотворное и не могу заставить свое тело спать, когда оно того не хочет.

Выйдя из душа, я одеваюсь на весь день в милое летнее платье с пастельным рисунком. Сегодня я весь день буду работать в магазине, пока мама на заднем дворе готовит вещицы к нашей великой летней распродаже, которая начнется через несколько недель в конце лета.

Внизу я вижу Джорджию. Она сидит за кухонным столом с миской своих любимых ванильных хлопьев, а мама наливает в кружку кофе.

– Доброе утро, – заметив меня, улыбается мама, – хорошо спала?

– Да, – вру я и заправляю за ухо прядь волос, чтобы она не заметила на моем лице эмоций. Она расстроится, если узнает, что со временем становится только хуже. Я подхожу к холодильнику и наливаю себе стакан апельсинового сока. Опускаю в тостер кусочек хлеба и поворачиваюсь, когда ма-

ма садится на стул напротив Джорджии.

Карие глаза Джорджии встречаются с моими.

– Я говорила маме, чтобы она попросила тебя познакомиться ее с нашим новым соседом. Раз уж ты нянчишься с его чадом.

– Зачем? – недоумеваю я, и она копирует выражение моего лица.

– Потому что наша мама – красивая одинокая женщина, которая заслуживает второго шанса на любовь.

Мама краснеет, уставившись в чашку с кофе. Однажды она призналась мне, что чувствует себя недостойной любви, особенно из-за того, каким ужасным был мой отец, а она не сумела нас защитить. Я ответила ей, что она спятила. Она – тоже жертва. *Но Тайер?*

– Он для меня слишком молод. – Мама озвучивает мою мысль, но не знает, что за ней скрывается кое-что еще.

А именно то, что я не могу смириться с мыслью о ней и Тайере как паре, потому что он нравится *мне*, и не платонически из разряда «он мой босс».

Черт. Я влюблена в нашего соседа, которому, должно быть, уже за тридцать. Я влюблена, очень сильно, и у меня есть парень.

Мой желудок бурлит, и когда выпрыгивает мой тост, я вдруг понимаю, что не голодна. Но я знаю, что после пробежки нужно что-нибудь проглотить.

Достав из холодильника сливочное масло, я наношу его

как можно более тонким слоем и морщусь от отвращения при виде тоста в моей руке. Мама замечает этот жест и хмурится.

– Тебе нехорошо, милая?

– Я в порядке. – Я заставляю себя откусить кусочек. Я не хочу, чтобы она заставляла меня сегодня остаться дома.

Джорджия доедает хлопья, выпивает из миски остатки молока и ополаскивает ее.

– Мне пора в больницу. – Она хватает меня и громко, драматично целует в макушку. – Люблю вас, ребята, – и целует маму в щеку.

Она хватает сумку и ключи от машины, выпархивает за дверь и исчезает.

Мама качает головой.

– Эта не девушка, а ураган. Всегда такой была.

Какой верный способ описать Джорджию! Дикий, непредсказуемый, немного драматичный ураган.

Иногда мне хочется взять с нее пример и научиться отпускать. Я знаю, что временами тревога меня захлестывает.

– Ты уверена, что с тобой все хорошо?

– Что? – Я резко возвращаюсь к реальности.

– Ты сама не своя, – объясняет она. – Ты в порядке?

– Д-да. Просто много мыслей, – заикаюсь я, доедаю тост и стряхиваю с платья крошки. Мама смотрит на пол, и я тихо смеюсь. Достаяю из кладовки пылесос и убираю мусор.

– Это из-за Калеба? – спрашивает она, когда пылесос за-

тихает.

Я почти выпаливаю *нет*, но понимаю, что она только что предоставила мне прекрасную возможность оправдать свое поведение.

– Это так, – легко, слишком легко лгу я. – Просто отстой, что он так скоро уезжает.

Она не напоминает мне, что я могла бы поехать с ним или поступить в колледж, который выбрала бы сама. Мы обе знаем, что от этих вариантов я уже отказалась. Она никогда не спрашивала меня почему, и я этому рада, потому что, если честно, я не знаю. Я лишь знаю, что сейчас я немного потеряна и не собираюсь искать себя таким образом.

Ее губы сочувственно опускаются, когда я возвращаю пылесос на место.

– Я знаю, что это паршиво, милая.

– Переживу, – бормочу я в надежде, что мы уйдем от этой темы. Это не значит, что я не буду скучать по Калебу, я *буду*, но я не знаю, буду ли я скучать по нему так сильно, как должна.

Она переносит миску Джорджии из раковины на сушилку.

– Если ты не возражаешь, езжай в магазин и открой его. Я подъеду через час или около того. – Ее плечи устало опускаются.

– Все в порядке? – с тревогой спрашиваю я.

Она вздыхает и проводит ладонью по лицу:

– Да.

Я ей не верю, но поскольку я и сама лгу, я позволяю ей хранить свои секреты.

С холодным кофе в руке я перехожу улицу к антикварной лавочке «Бурное прошлое», открываю дверь и переворачиваю табличку: «ОТКРЫТО». Я на ходу включаю свет и ставлю сумку за прилавок.

К счастью, ванильный кофе со льдом намного вкуснее моего тоста. Я устраиваюсь за прилавком и листаю журнал, оставленный там моей мамой. Предсказать, сколько будет в магазине покупателей в тот или иной день, невозможно. Иногда тебе некогда присесть, а иногда ты словно умер для целого мира. Моей маме повезло: ее магазинчик настолько популярен, что люди из города приезжают сюда в поисках уникальных вещей для своего дома.

Мой телефон вибрирует, приняв новое сообщение, и я хватаю его на случай, если это мама просит меня что-то сделать.

Это Лорен. Она улыбается, тянет вверх два пальца, ее глаза защищают микроскопические солнечные очки. Позади нее блестит океан. Она на неделю уехала в отпуск, скоро к ней присоединится и Кaleb. Моя мама тоже говорила о том, что, возможно, мне следует куда-нибудь ненадолго съездить. Она видит, что все мои друзья разъезжаются в отпуск, и, по моему, ее гложет чувство вины. Но я ей сказала, чтобы она об этом не беспокоилась. С деньгами туго, и я не хочу, чтобы

она зря потратила доллары на легкомысленную поездку. Она эту тему оставила и больше не поднимала.

Я: «Надеюсь, вы там повеселитесь!»

Лорен: «Хочу, чтобы ты была здесь!»

Я: «Я тоже».

Я уверена, что на пляже было бы весело, но втайне я рада быть здесь. Дом – вот место, в котором я хочу находиться. Там, где мне нужно находиться. Кроме того, куда бы я ни поехала и что бы ни делала, кошмары настигнут меня везде.

Глава тринадцатая

– Рыбачь!¹ – говорит Форрест, и я беру со стола еще одну карту и пялюсь на дикое количество карт в моих руках. Либо я не умею играть в эту игру, либо Форрест забыл правила, либо маленький дьявол жульничает.

Судя по его застенчивой ухмылке, верным является последний вариант.

В двери гремят ключи, Форрест бросает свои карты, и хотя их у него гораздо меньше, чем у меня, они рассыпаются в разные стороны.

– Папа! – Он бежит в холл, его ножки стучат по полу. Я беру его карты, добавляю их к своим и складываю все обратно в коробку.

– Эй, приятель, скучал по мне? – слышу я голос Тайера.

– Да! Ты принес мне пиццу?

– Она у меня в руках.

– Ты лучший папа на свете.

Форрест пронесится через арку гостиной и мчится на кухню, сжимая в руках свою личную пиццу от *Pizza Hut*.

Я поднимаю с пола плед, складываю его и возвращаю на спинку дивана. Тайер прочищает горло и прислоняется к арке. Каштановые волосы спадают ему на лоб, и не ровными

¹ (Go Fish *англ.*) – карточная игра (правила примерно соответствуют русской «Сундучки») (*прим. пер.*).

пряжами, как пытались добиться многие мальчики, с которыми я ходила в школу. У него на голове сплошной беспорядок, и мне это нравится.

Я хватаюсь за грудь и притворно ахаю.

– А где *моя пицца*?

Он тихо посмеивается и потирает тыльную сторону ладони.

– Голубь украл.

– Чертовы почтовые голуби, – цокаю я языком, – им нельзя доверять.

– Что правда, то правда. – Непринужденно подыгрывая, он пожимает плечами. – Они работают на правительство.

Я вскидываю руки в притворном разочаровании.

– Надеюсь, голубю понравится моя пицца.

– Я спрошу его, если снова увижу.

– Его? – Я выгибаю бровь. – Откуда ты знаешь, что это была не голубка?

– Могла быть и голубка, – признает он и заходит в комнату. – Спасибо, что присмотрела за ним.

Я отмахиваюсь от его благодарности.

– Нет проблем. – Он достает бумажник, извлекает немного наличных и передает их мне. – Спасибо.

Он едва заметно кивает.

– Салем! – зовет с кухни Форрест. – Тебе обязательно идти домой?

Я бросаю взгляд на Тайера.

– Могу ненадолго задержаться, – шепчу я на случай, если Тайер захочет, чтобы я ушла. Я его пойму, если он предпочтет побыть со своим ребенком наедине.

Он пожимает плечами.

– Оставайся, если хочешь.

– Хорошо, – говорю я громче, чтобы Форрест меня услышал, – я останусь еще ненадолго.

Час спустя я обнаруживаю себя свернувшейся калачиком на диване Тайера с миской попкорна. Форрест сидит по одну сторону от меня и прижимается ко мне своим маленьким тельцем, Тайер по другую, стараясь соблюдать правило шести дюймов².

В телевизоре фильм *Санта Клаус*. Очевидно, Форрест обожает рождественские картины и с удовольствием смотрит их, несмотря на то, что сейчас июль.

– Папочка, – спрашивает он, хрустя попкорном, – как ты думаешь, я в списке непослушных мальчиков или хороших?

– Точно хороших, – кивает Тайер, – но это в любой момент может измениться. Вот почему тебе всегда следует вести себя наилучшим образом. Санта непрерывно за тобой наблюдает.

– Это правда, – соглашаюсь я.

² Смысл правила 6 дюймов в том, что, общаясь с человеком, не следует приближаться к нему ближе, чем на 6 дюймов, чтобы не создавать ощущение вторжения в личное пространство. 1 английский дюйм равен 2,54 сантиметрам. Соответственно, 6 дюймов равны 15,24 см (*прим. пер.*).

Форрест смотрит на меня, вытаращив глаза, а на экране телевизора Тим Аллен взбирается по лестнице в своих боксерах.

– Ты когда-нибудь бывала в списке непослушных? Он и правда дарит плохим детям уголь?

Мне нравится, что Форрест не ждет, когда я отвечу на первый вопрос, и сразу задает второй, как будто автоматически предполагает, что в какой-то момент я числилась в списке непослушных.

Я качаю головой.

– Нет, я всегда была в списке хороших.

Он хмурится, удрученный тем, что не получил должного ответа на свой вопрос.

– Ты знаешь кого-нибудь, кто был в списке непослушных? – предпринимает он очередную попытку.

– Нет, извини.

– А как насчет...

– Я думал, ты хотел посмотреть фильм? – вмешивается Тайер.

– Да! – с энтузиазмом отвечает Форрест.

– Тогда почему не смотришь?

– О, точно. – Мальчик переводит взгляд на экран телевизора. Гостиная у них в гораздо лучшем состоянии, чем кухня. Двери отделаны, стены покрашены, а диван на вид совершенно новый. Тайер даже установил над камином телевизор.

Тайер тянется за попкорном, его пальцы задевают мои.

Наши взгляды встречаются. Я первая отворачиваюсь и смотрю на попкорн. Он отодвигается от меня еще на пару дюймов. Теперь нас отделяет почти целый фут.

Гм-м, интересно.

Я заставляю себя сосредоточиться на фильме, а не на мужчине рядом со мной.

По ходу вечера попкорн перемещается на кофейный столик, а голова Форреста ложится на мои колени. Ребенок тихо похрапывает, но ни Тайер, ни я не предпринимаем ни малейшей попытки остановить фильм и встать. И вот финальные титры, а Форрест по-прежнему в отключке. Мои пальцы лениво скользят по его волосам.

Тайер со стоном встает и вытягивает руки над головой, обнажив гладкий, мускулистый брюшной пресс, сильно загоревший от долгого пребывания на солнце.

Хватит пялиться! Он практически твой босс! И намного старше меня. Но насколько, я точно не знаю.

– Сколько тебе лет? – выпаливаю я.

Тайер растерянно смотрит на меня.

– Тридцать. В следующем месяце исполнится тридцать один. А что?

– Ничего, – хриплю я. Тринадцать лет разницы, почти четырнадцать. Это даже не десятилетие, а больше.

Мое лицо вспыхивает от этих мыслей, но если он и замечает, то виду не подает. Он наклоняется, чтобы взять Фор-

реста на руки, случайно касается моей руки, смотрит на меня и бормочет:

– Прости.

Надеюсь, он не замечает дрожь, которая пробегает по моей спине.

– Ничего. – Я заправляю за ухо прядь волос, встаю и хватаю миску с попкорном.

Тайер уносит Форреста вверх по лестнице. Я выбрасываю остатки попкорна в мусорное ведро и ополаскиваю миску в раковине в ванной комнате на нижнем этаже, поскольку на кухне ее пока нет.

Я иду к двери, когда Тайер спускается. Он приглаживает волосы, вид у него усталый.

– Уходишь? – Я киваю. – Спокойной ночи. – Я поджимаю губы, думая о том, как редко мне удастся хорошо выспаться. Он замечает выражение моего лица и добавляет: – Может, тебе удастся поспать.

– Может, – эхом отвечаю я. Шанс есть всегда.

Глава четырнадцатая

Пронзительный крик будит меня в восемь утра. Кошмары меня в эту ночь не мучали, но лишь потому, что я до четырех утра не ложились спать. Веки тяжелые, глаза не хотят открываться, но я заставляю их это сделать.

– Господи, вот ты заноза в заднице! – Крики возобновляются.

Я зеваю и выскальзываю из постели. Бинкс сидит в углу на своем кошачьем дереве и тянет шею, чтобы выглянуть в окно.

– Я так рада, что развелась с тобой! – кричит тот же голос.

Я открываю окно, высовываю голову и вижу женщину, которую уже видела раньше. Это бывшая Тайера, она стоит на его крыльце и бьет его кулаком в грудь. Она невысокая, и ей приходится запрокидывать голову, чтобы увидеть его лицо.

Тайер отвечает не так громко, но все равно на повышенных тонах, а наши дома стоят так близко, что я его слышу.

– Это я попросил развода.

Она вскидывает руки вверх.

– Как же ты бесишь...

– Хватит устраивать театр. – Он замечает и кивком указывает через дорогу, туда, где наша пожилая соседка Синтия вышла подмести и без того безупречно чистое крыльцо.

Его бывшая поспешно оглядывается через плечо и снова

сосредотачивается на нем.

– Мне все равно. Пусть услышат. Пусть все услышат! – Она широко разводит руками.

Тайер молча качает головой. На нем пижамные штаны и хлопчатобумажная рубашка, а волосы растрепаны, как будто он только что встал.

– Ты зря поднимаешь шумиху. Форрест попросил дать ему пять минут, чтобы собраться, и я сказал, чтобы он не торопился и что у него столько времени, сколько нужно.

– Вот именно! – Она кричит так, словно он только что доказал причину ее срыва. – Ты пытаешься его у меня украсть! Манипулируешь им, как...

– Криста, – резко обрывает он ее. – Ты себя слышишь? Он ребенок. Он заканчивает собирать свои вещи.

Она прикусывает щеку, бросает взгляд вправо и замечает меня в окне. *Черт, меня засекли.* Я возвращаюсь в комнату и закрываю окно. Время подслушивания истекло.

– Ну, Бинкс, что скажешь? – Я смотрю на своего любопытного кота. – Было весьма занимательно.

Я наскоро принимаю душ и наношу немного косметики. Мы договорились с Калэбом позавтракать вместе, и в девять он заедет за мной, так что поспать дольше я все равно бы не смогла.

Он не знает о моей бессоннице, кошмарах, беспокойном сне. Я не хочу его этим обременять. У Калэба своих забот хватает.

Я торопливо высушиваю волосы (по крайней мере, наполовину) и собираю их в пучок. Я смотрю на часы – у меня меньше десяти минут до его приезда. Я крашу ресницы тушью и наношу на губы блеск.

Телефон лежит у раковины и вибрирует. Новое сообщение. Калекб: «*Буду через 5 мин*».

Я спускаюсь и сажусь на переднее крыльцо. На правой ноге развязался шнурок, и я наклоняюсь его завязать. На меня падает тень, и я поднимаю глаза, ожидая увидеть Калекба, и улыбаюсь заготовленной улыбкой. Но это Тайер. Он переоделся, на нем спортивные шорты и рубашка с короткими рукавами. Я пытаюсь не смотреть на его бицепсы, но тут же терплю неудачу.

– Привет, – пишу я возвышающемуся надо мной мужчине.

Его грязные теннисные туфли ступают по земле.

– Я сожалею о том, что произошло утром. Мне жаль, что ты услышала нашу перепалку.

Я выгибаю бровь.

– Ты ходишь от двери к двери и извиняешься перед всеми, кто живет на этой на улице?

– Нет, – признается он. – Только перед тобой.

Я прикладываю ладонь к сердцу.

– Ого! Я особенная!

Он молчит, но его взгляд говорит: *так и есть*. Я стараюсь не придавать этому значения: вдруг это всего лишь мое во-

ображение решило сыграть со мной злую шутку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.